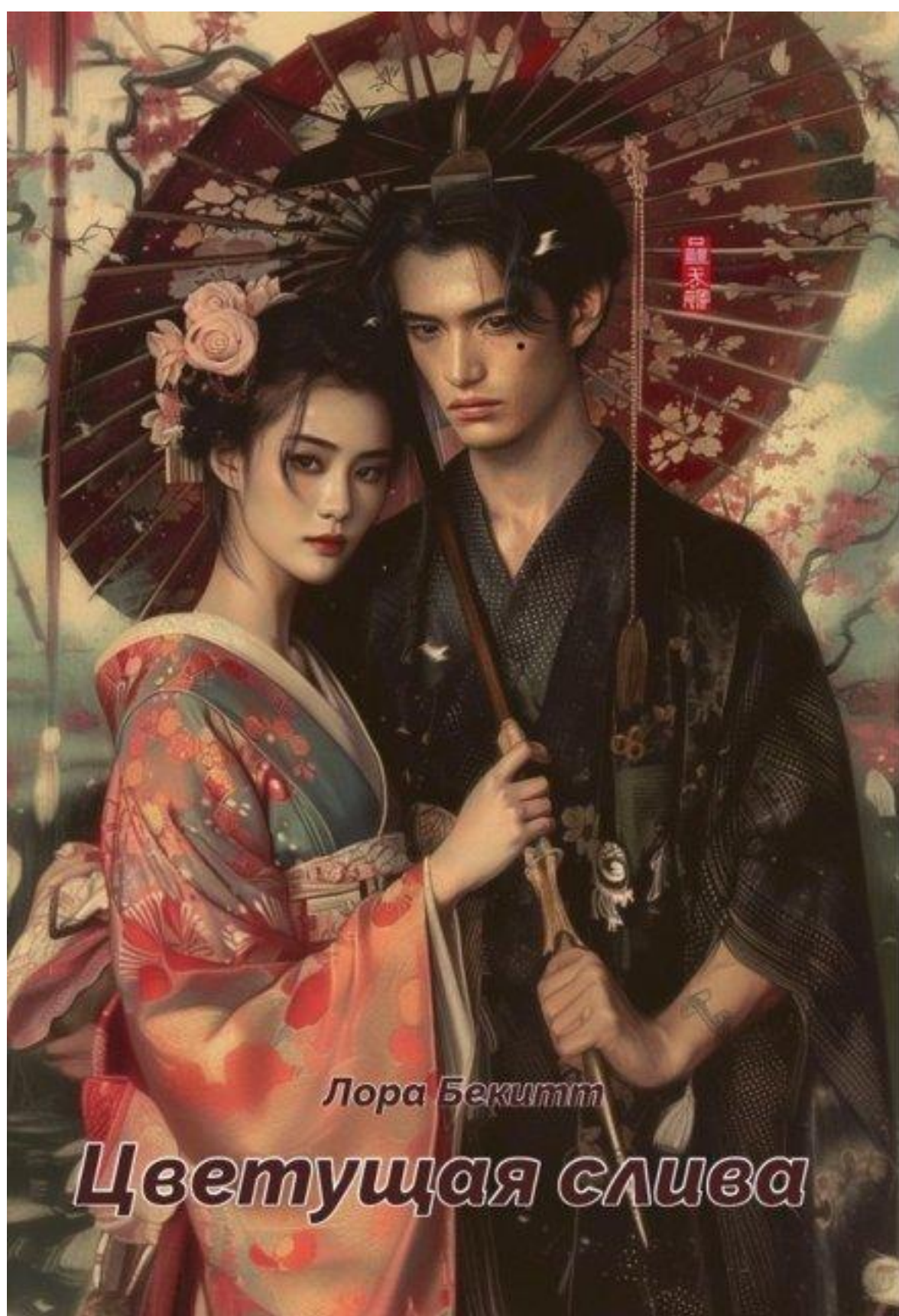




Лора Бекитт

Цветущая слива

«Литнет»

2025

Бекитт Л.

Цветущая слива / Л. Бекитт — «Литнет», 2025

В Китае в далеком XVII веке, во времена власти маньчжуров, случилось всякое. Так, судьба бедного мальчика Куна мгновенно изменилась, когда им сумели подменить случайно умершего наследника могущественного маньчжурского князя. Прошли годы, но угроза раскрытия тайны не исчезла. А однажды пришел момент, когда превратившийся в Киана Кун должен решить: продолжать жить под именем княжеского сына и потерять любовь простой китаянки Мэй или, наконец, стать самим собой. История удивительных приключений и совпадений, мысли о сиюминутном и вечном, сплав двух в чем-то похожих и вместе с тем различных обычаев и культур в романе о Поднебесной, одной из самых древних и загадочных азиатских стран.

© Бекитт Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	31
Глава восьмая	34
Глава девятая	36
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

Праздник поминовения усопших приходился на сто пятый день после зимнего солнцестояния. В этот день запрещалось разводить огонь в очаге и готовить пищу, но бедной вдове Вэнь из селения Сячжи все же пришлось это сделать, что, как считала ее дочь Ниу, и повлияло на их судьбу.

Началось же с того, что Бао Синь, не первый год добивавшийся руки Ниу, прибежал в их дом с сообщением о том, что к селению движется маньчжурский отряд[1].

— Прячьтесь! Неизвестно, чего от них ждать!

Бао предлагал женщинам найти укрытие, но не собирался вставать на их защиту. Как всякий крестьянин, он не имел иного «оружия», кроме деревянной мотыги с железным накопечником.

Немолодой и некрасивый Бао не нравился Ниу. Вэнь тоже его не привечала: у него не было ничего, кроме ветхой хижины, да крохотного рисового поля. Впрочем, завидные женихи не спешили обивать их порог. Так уж повелось на этом свете: богатство тянется к богатству, а бедность — к бедности.

Вскоре маньчжуры вошли в селение. Их доспехи блестели, словно панцирь майского жука под полуденным солнцем. От них исходило ощущение власти и грозной силы.

Старуха-соседка сказала:

— Бойтесь их! У них оскопленные души. Они пройдут по нашим телам, как по ровной дороге! Выжмут из наших сердец все соки, так что те обратятся в камень.

Мать и дочь не успели убежать в лес, а в маленьком домике с кухней и комнатой было негде спрятаться. Когда один из чужеземных воинов появился на пороге, Вэнь упала ниц, а после того, как он резким движением руки велел ей подняться, заискивающе и настороженно смотрела ему в глаза.

Ниу робко выглянула из угла, в который забилась от страха. Маньчжур был выше мужчин их деревни, его глаза напоминали спелые сливы, а зубы были белыми, как очищенный миндаль.

Воин бросил под ноги Ниу двух диких уток. Он заговорил на ломаном языке, подкрепляя речь жестами, и женщины поняли, что он приказывает им развести огонь и приготовить пищу. Спорить не приходилось. В доме была лишь сваренная с вечера просяная каша, от которой маньчжур наверняка отказался бы.

Ниу глядела, как пламя жадно пожирает бамбук, а тот корчится, словно от боли, и ее одолевало тревожное чувство. Воин, не отрываясь, смотрел на девушку, и ее лицо опаляло жаром, тогда как по спине пробегал холод. Хотя от принесенной маньчжуром и приготовленной Вэнь дичи шел аппетитный запах, от волнения Ниу не смогла проглотить ни кусочка.

Утолив голод, мужчина вынул из-за пазухи мешочек и показал его Вэнь, после чего ткнул пальцем в ее дочь и кивнул на обмазанный глиной кан[2].

— Не сопротивляйся, — сказала Вэнь, — он все равно это сделает, а так хотя бы не покалечит. Другой бы просто взял тебя силой, а этот предлагает деньги.

У Ниу подгибались ноги и дрожали губы. Мать ушла в кухню, а она с ужасом смотрела, как маньчжур расстегивает тяжелый пояс, на котором болтались массивные железные подвески. Когда, стягивая с нее шаровары, он провел руками по ее бедрам, она едва не лишилась чувств.

Сидя в крохотной кухне возле остывающего очага, Вэнь подбрасывала данный маньчжуром мешочек в руках так, будто он был полон раскаленных углей. Нет, это не самое худшее. Иным приходится продавать дочерей в публичные дома, а то и вовсе убивать при рождении. На эти деньги они спокойно проживут до следующей весны.

Из-за перегородки раздался тонкий вскрик, слышалась приглушенная возня. Зажав руками уши, Вэнь улеглась на дырявую циновку и постаралась заснуть.

Утром, перед тем, как сесть на коня, маньчжур улыбнулся Ниу и потрепал ее по плечу. В его жесте была небрежная ласка, а во взгляде сквозило равнодушие: жажда завоеваний, страстей, вечной новизны влекла его вперед.

Резкий ветер сдувал слезинки с бледных щек Ниу. Хотя в эту ночь она не испытала ничего, кроме стыда и боли, ей хотелось, чтобы воин взял ее с собой, потому что не понимала, что станет делать, если останется в Сячжи.

Когда со дня отъезда маньчжурского отряда прошло два месяца, Ниу окончательно уверилась в том, что беременна. Старуха-соседка дала ей какие-то травы, но они не помогли. Тогда Ниу решила поговорить с Бао и позвала его на лесную поляну, подальше от людских глаз.

Ярко-синее небо было чистым и гладким, точно туго натянутое полотно. Темные сосны застыли сомкнутым строем на страже тишины и покоя маленькой, затерянной среди гор деревни.

Ниу по-прежнему была красива, но тонкие черты ее лица словно покрылись налетом обреченности и печали.

— Я честна с тобой, Бао, — сказала она, сделав роковое признание. — Или бери меня такой, какая я есть, или я никогда не буду твоей.

— Твоя мать согласна?

Ниу кивнула. А что оставалось делать Вэнь, если ночь, проведенная с маньчжурским воином, оставила в теле ее дочери куда больший след, чем она рассчитывала!

— Хорошо, — коротко произнес Бао. Было заметно, что его раздражают досада и злость.

— Я только прошу, — кротко промолвила Ниу, — чтобы ты не обижал этого ребенка.

Бао с отвращением посмотрел на ее пока еще плоский живот.

— Неужели ты ему рада!

— Нет, но я понимаю, что он ни в чем не виноват.

— Ты хочешь, чтобы я признал его своим?

— Так будет лучше для всех.

Месяц спустя Ниу вышла за Бао Синя и перешла в его хижину. Отныне здесь ей предстояло жить, работать, рожать детей и закончить свои дни.

Ребенок появился на свет в начале зимы, в самые унылые и мрачные дни года. Он был таким, как все младенцы, но на его лице, пониже левого глаза чернела крупная родинка, напоминавшая звездочку.

— Смотри-ка, знак! — заметила повитуха. — Твоего сына ждет необычная судьба.

— Счастливая или нет? — взволнованно произнесла Ниу.

— Этого я не знаю.

В хижину вошел Бао, и повитуха объявила:

— Мальчик! Тебе повезло.

— Уж если кому и повезло, так только не мне, — проворчал мужчина, а когда повитуха ушла, процедил: — Маньчжурское отродье!

— Бао, — в голосе Ниу была укоризна, — ты обещал!

Да, он обещал и все же когда увидел здорового крупного младенца — порождение чужого семени, боль пронзила его, казалось, до самых костей.

Ниу продолжала рожать каждые два года. Третьим был мальчик, Юн, и Бао вздохнул с облегчением: наконец-то на свет появился тот, кто когда-нибудь даст жизнь его внуку, в коем, согласно поверью, воплотится небесная душа деда!

И все-таки старшим ребенком в семье оставался первенец Ниу, Кун, и это бесило Бао. Он в буквальном смысле слова вбивал в его голову мысль о сыновней почтительности, тогда как

Юн рос избалованным и непослушным. Мать всегда старалась защитить и выгородить Куна, но у нее было слишком много забот и много детей.

О родинке никто не вспоминал, лишь Бао иногда говорил, что она похожа на червоточину на кажущемся здоровым, но на самом деле гнилом плоде.

[1] Центральная власть в Китае была захвачена в XVII веке племенем маньчжуров, которые правили страной в лице Цинской династии с 1644 по 1912 год. Маньчжурские принцы, князья, мандарины, шэньши составляли привилегированное сословие Китая. Принадлежность к тому или иному сословию, дворянскому или чиновничьему рангу отмечалась строгими внешними отличиями.

[2] Теплая лежанка в китайском жилье.

Глава первая

По улицам деревни плыл сизоватый дымок очагов. Не могущий пробить плотный слой тумана, он тянулся низом. Земля казалась поблекшей, вылинявшей, как всегда по весне, но все знали, что вскоре придет другая пора. Зазеленеют залитые водой рисовые посадки, холмы наденут изумрудные короны, и лес зашумит, как бескрайнее море.

На рассвете отец приказал Куну заняться топливом, и мальчик боялся сказать, что если он не успеет вовремя прийти в чайную, хозяин его приберет. И вот теперь он опаздывал, хотя и спешил изо всех сил.

Заведение господина Линга, (при необходимости там можно было не только поесть и выпить чаю, но заночевать) было построено на оживленном участке дороги, соединявшем провинции Гуандун и Гуанси. Десятилетний Кун служил у него за еду, несколько шу[1], а еще — за бесконечные затрешины и оплеухи.

Он никогда не жаловался родителям: у измученной матери хватало иных забот, а Бао и сам бил Куна не меньше, чем господин Линг, бил по любому поводу — за случайный взгляд, за лишнее слово. За то, что Ниу вновь родила не сына, а дочь.

Не чувствуя за собой никакой вины, Кун, тем не менее, безропотно принимал удары. Что он мог возразить отцу? До поры до времени ему не приходило в голову удивляться, почему Бао срывает свою злость именно на нем, а не на других детях. Если кто-то изредка и мог приласкать Куна, так это мать. Однако при этом у нее была такой горестный вид, что ему хотелось не радоваться, а плакать.

Когда Кун вбежал в чайную, ему казалось, что у него вот-вот остановится сердце.

В помещении не было других вещей, кроме скромно расписанной ширмы, низких деревянных столиков и простых некрашенных циновок. В маленькой печке шипел и с треском лопался бамбук.

Дрожащими от волнения руками хозяин расставлял на подносе чашки красной глины, от которых поднимался ароматный пар. Он не обратил ни малейшего внимания на Куна, все его мысли были устремлены к двум гостям, которые молча ждали, когда им подадут чай. Хотя на них были простые соломенные шляпы, полотняные черные халаты и некрашенные кожаные туфли, Кун сразу понял, что это могущественные и знатные люди. На это указывали их широкие наборные пояса, а еще — лица, выражавшие достоинство и внутреннюю силу.

Накрыв на стол, господин Линг отступил с почтительным поклоном. От чашек поднимался тонкий дымок; его рисунок был похож на туманные иероглифы, нарисованные невидимой волшебной рукой.

Кун проскользнул в соседнее помещение, служившее кухней. От угольных жаровен шло тепло, от котлов валил ароматный пар. Приветливо улыбнувшись Куну, повар Хэн вновь принялся помешивать варево.

Они не успели перекинуться словом, как вошел хозяин и жарко зашептал:

— Видели, кто к нам пожаловал?! Непростые люди, даром, что без свиты! Путешествуют скрытно, а сами, не торгуясь, заплатили серебром! Сказали, задержатся здесь на несколько дней. Пойду приготовлю комнату. Держись поблизости, — бросил он Куну, — вдруг им что-то понадобится! Я не стал задерживаться возле них — вдруг решат, что я решил подслушать их разговор!

На самом деле господин Линг обожал подслушивать: сплетни были необходимы ему как воздух. Он с привычной легкостью рылся в чужих секретах и перемывал косточки знакомым и незнакомым людям. Однако на сей раз в его душе перевесил страх. А еще — алчность.

Следуя приказанию «быть поблизости», Кун взял метелку и принялся бесшумно подметать пол неподалеку от столика, за которым сидели приезжие.

Когда господин Линг ушел, мальчик заметил перемену в выражении лиц мужчин и уловил исходящее от них ощущение гнетущей тревоги. А после услышал их разговор:

— Ума не приложу, что нам делать. Мы столько времени потратили на поиски мальчишки, а в результате приедем ни с чем!

— Да, рассчитывали получить награду, а вместо этого с плеч полетят наши головы!

— Кто знал, что его угораздит не только заболеть в дороге, но и умереть!

— Надо подумать, что сказать Юйтану. У нас есть в запасе немного времени.

— Что толку отсиживаться в этой глуши? Рано или поздно нам придется предстать перед князем и рассказать ему правду.

— А если солгать, сказать, что мальчик умер еще до нашего приезда?

— Не имеет значения. Ты знаешь Юйтана. Он беспощаден. Для него важен лишь результат.

— Если бы мы привезли с собой тело, возможно, он сумел бы поверить, понять...

— Он, маньчжур, понять нас, китайцев?! Не смейся меня. И потом — ты можешь представить, во что превратился бы труп за эти дни!

— Мы должны что-то придумать, должны! Ради наших сыновей! — в отчаянии прошептал один из мужчин, а другой нерешительно произнес:

— Что если взять другого ребенка? Мало ли в Китае сирот такого возраста! Научим его, что говорить, и предъявим князю.

— Ты забыл про метку, — обронил его спутник, и оба погрузились в тяжелое молчание.

Кун представил, как прежде выглядели эти люди: грудь выпячена, плечи расправлены, взгляд полон высокомерия, а походка — уверенности. Сейчас же он всей кожей чувствовал одолевавшие их терзания, трагическую безнадежность, смертельный страх.

Мальчику не удалось дослушать разговор: его позвал Хэн. Для гостей было приготовлено изысканное угощение: целое блюдо мелко наструганной соленой морской рыбы, вареные ростки бамбука, маринованная редиска и имбирное вино.

У Куна заблестели глаза и заурчало в животе. Он судорожно сглотнул слюну. Каждый вечер отец ругал его за то, что он приходит домой без еды, но господин Линг запрещал ему забирать из чайной объедки. А те крохи, что доставались Куну во время обеда, приходилось делить с хозяйской собакой.

— Ты видел? — спросил Хэн. — Породистые кони, дорогие пояса, хорошее оружие, а одежда простая. К тому же они путешествуют без свиты. Сдается, тут что-то не так! А если это преступники?!

— Не знаю, — пробормотал Кун, раскладывая рис по чашкам и предпочитая умолчать о подслушанном разговоре.

Господин Линг сам подал приезжим еду. После в чайную повалили посетители, и у Куна было столько работы, что он и думать забыл о таинственных гостях.

Как и всегда, он вернулся домой только вечером. Высокие сосны, ярко зеленые при свете дня, сейчас казались черными. Горы сливались с небом, а рисовые поля на склонах холмов были похожи на застывшие волны огромного моря.

Подойдя к хижине, Кун услышал голос отца:

— Я один вынужден работать в поле и кормить столько ртов!

— Если бы ты не отправил Куна служить у господина Линга, он бы тебе помогал, — робко возразила мать.

— Я не желаю видеть его целыми днями! Думаешь, дома от него был бы толк? Приходит из чайной и сразу валится спать, хотя мог бы заготавливать топливо, плести корзины!

— Кун еще ребенок, он устает! — в отчаянии произнесла Ниу, на что Бао ответил:

— Ничего подобного, он здоровый и сильный, просто привык лениться!

Мальчику почудилось, будто вокруг него сгустился воздух и ему стало трудно дышать. Перед глазами встал образ отца, и Кун впервые в жизни задал себе вопрос: как могло получиться, что его молодая, красивая, кроткая мать вышла замуж за такого старого, уродливого, сварливого и жестокого человека?! И внезапно понял, что никогда не любил и не уважал своего отца.

Даже если Бао находился где-то далеко, Кун всегда ощущал его присутствие в своей жизни, как чего-то тяжелого и недоброго.

У порога стояли потертые соломенные сандалии Бао. Одной из многочисленных обязанностей старшего сына было чистить обувь отца. Как-то раз он забыл это сделать, и Бао ударил его сандалией по лицу. Память об этом случае жгла как укус ядовитого насекомого. Сделав над собой усилие, Кун перешагнул через сандалии и очутился в хижине.

Посреди комнаты с низким потолком и забранными бамбуковыми решетками окнами стоял покрытый циновками столик, за которым работали и ели. В одну из стен была вделана печка с вмазанным в нее котелком, где готовили еду, в другой зияло углубление, куда складывали постели и одежду.

Вероятно, сестры уже поели, потому что беззаботно и шумно перебирали бамбуковые палочки, камушки и какие-то тряпочки, служившие им игрушками.

Шестилетний Юн с любопытством уставился на старшего брата блестящими лукавыми глазенками. Он без сомнения слышал слова отца, и Куну сделалось неприятно. Внезапно он вспомнил, как однажды Бао подарил младшему сыну раскрашенную деревянную лошадку. Когда Кун, у которого никогда не было игрушек, с восторгом потянулся к ней просто для того, чтобы посмотреть, Бао ударил его по руке и заорал:

— Это не тебе! Ты уже вырос и должен работать!

Тогда Кун забился в укромный уголок и долго, безутешно плакал.

«Работать, работать, работать» — эхо этого слова без конца отдавалось в ушах мальчика, и он переставал видеть смысл в тупом физическом труде, который не позволяет ни играть, ни мыслить, ни жить.

Кун перевел взгляд на отца, на его обвисшие щеки, глубокие морщины вокруг широкого рта, глаза, почти не видные из-за складок век, сутулые плечи, костлявые руки. Прожитые годы не пощадили Бао, но и он никого не щадил.

— Чего уставился? Опять пришел с пустыми руками!

— Господин Линг мне ничего не дает.

— Давал бы, если б ты не лентяйничал, — проворчал Бао.

— Садись, поешь, — позвала мать.

В ее движениях чувствовалась глубокая усталость, а едва заметная улыбка таила в себе привычную горечь.

— Разве он не наелся в чайной! — отец повысил голос. — Что он делал там целый день?!

— Пусть он хотя бы выпьет рисового отвара!

— Нет. Ложитесь спать. Нечего зря жечь бамбук. Мне рано вставать, а ночью меня снова разбудит чей-нибудь рев.

Сестренки Куна послушно улеглись на циновки. Только самая младшая спала в родительской постели. Кун устроился подальше от всех. Он мучительно желал заснуть, уплыть в неведомые темные дали и пробудиться лишь прохладным туманным утром, но не мог сомкнуть глаз. В конце концов он выбрался из душной темноты и сел на землю возле хижины.

Небо сияло звездами, была отчетливо видна Серебряная Река.[2] В раннем детстве Кун думал, будто это волшебная дорога, по которой дано путешествовать только избранным судьбой и безрассудным смельчакам, которые могут вскарабкаться на самую высокую гору, откуда можно достать небеса!

Такие истории ему, случалось, рассказывала бабушка Вэнь, к которой он иногда прибегал. А еще она вкусно кормила его и ласково гладила по голове. Потом бабушка умерла, и пора веры в сказки, легенды, чудесные превращения осталась позади. Теперь Кун знал, что он недостоин даже того, чтобы ходить с поднятой головой, а не то что взбираться на небо!

Послышался шорох — из глубины хижины появилась мать. Она молча сунула в руку сына рисовый шарик, который он тут же отправил в рот.

— Иди в хижину, Кун. Бао спит, Юн и девочки тоже.

— Лучше я посижу здесь.

— Это я виновата в том, что Бао так относится к тебе! — Голос Ниу срывался от боли.

— Ты? — удивился Кун. — Почему?

Загрубевшая, шершавая ладонь Ниу легла на его волосы.

— Думаю, ты достаточно большой для того, чтобы знать правду. Бао не любит тебя, потому что ты... не его сын.

Кун вздрогнул. Он бы готов к чему угодно, но только не к такому признанию!

— Как! Тогда... чей?!

— Я не хочу, — продолжила Ниу, — чтобы ты возненавидел Бао, просто тебе надо понять, что он никогда не изменится. Ты будешь вынужден сам прокладывать себе дорогу в жизни. Когда Бао решил отдать тебя в услужение, я обрадовалась, поскольку подумала, что со временем господин Линг может сделать тебя своим помощником и у тебя появится возможность заработать на хлеб.

— Расскажи о... моем отце! — напомнил Кун, сгорая от нетерпения и вместе с тем дрожа от страха.

А если это какая-нибудь постыдная история, о каких шепчутся за спиной?! Разве это похоже на его тихую скромную мать!

Прошло несколько минут, и Ниу заговорила. В ее голосе не было ни ожесточения, ни обиды, а лицо оставалось сосредоточенным и спокойным. Она привыкла безропотно переносить тяготы жизни. Ее прошлое было не хуже ее настоящего или будущего.

— Одиннадцать назад в Сячжи пришли маньчжуры. Они были хорошо одеты, их оружие блестело на солнце. Они приказали жителям деревни приготовить угощение и разбрелись по домам. Мой отец рано умер, и я жила с матерью. Разумеется, воин, остановившийся в нашей хижине, пожелал лечь со мной. Если б я стала сопротивляться, он все равно взял бы меня: маньчжуры всегда берут себе все, что захотят. Утром он дал моей матери денег и уехал вместе со своим отрядом. Больше я его никогда не видела. А через девять месяцев на свет появился ты.

— Каким он был? — спросил Кун, раздираемый до боли противоречивыми чувствами.

С одной стороны, ему хотелось как можно больше узнать о родном отце, с другой — он был готов возненавидеть человека, который обошелся с его матерью как с вещью.

— Я плохо понимала, что он мне говорил, и не разобрала его имени. Он был молод и, возможно, красив, однако с тех пор прошло много лет, и я даже не помню его лица.

— А как же Бао? — прошептал Кун, подумав о маленьком уродливом человечке, напоминавшем злобного демона.

— Он давно вился вокруг меня, но мать не хотела нашей свадьбы, потому что Бао был беден. Теперь ей пришлось отдать меня тому, кто согласился взять беременную невесту. Бао обещал, что станет хорошо относиться к моему ребенку, но не сдержал слова. Пока ты был маленьким, он тебя не замечал, а когда родился Юн, начал бить. Он не может смириться ни с тем, что старший мальчик в семье — сын маньчжура, ни с тем, что я нарожала столько девочек.

Кун не знал, что сказать. Теперь, когда правда, наконец, выплыла наружу, он ощущал себя по-особому незащищенным и вместе с тем словно обрел новые силы. После того, как все встало на свои места, мысли обрели легкость, а душа — покой.

Он знал, что это ненадолго. Наступит день, и ему снова придется нести на своих плечах груз несправедливости и затаенной обиды. И так будет всегда.

[1] Мелкая монета.

[2] Млечный Путь.

Глава вторая

Утром, когда Кун проснулся, мать уже разводила огонь: от очага струился тонкий, прозрачный, как паутинка, дымок.

Ниу разогрела вчерашний рис, но когда Кун потянулся к котелку, в его запястье вцепилась морщинистая рука со скрюченными пальцами и желтыми ногтями, напоминавшими птичьи клювы, и он не успел издать ни звука, как очутился на полу.

— Прочь отсюда, бездельник!

— Бао, позволь ему поесть! — взмолилась Ниу.

— Пусть ест в чайной! Здесь слишком мало риса на такую ораву.

Кун выскочил за дверь. Он бежал что есть сил по знакомой дороге, словно подгоняемый ветром, не замечая того, что взор застилают слезы.

Между землей и небом висели густые хлопья тумана. По склонам холмов разбегались террасы, где сеяли рис и куда доставляли влагу с помощью водоподъемного колеса. На полях сутились небольшие, словно игрушечные, фигурки, а рядом мелькали совсем маленькие: вместе со взрослыми мужчинами работали их сыновья.

Увидев это, Кун ощутил острую жалость к себе, невольно брошенному родным и презираемому приемным отцом. Потом он вспомнил о матери, которая была вынуждена вступить в нежеланный брак и терпела не меньше унижений, и ему стало стыдно. Это он, а не она виноват во всех бедах, это ее надо жалеть.

Когда он прибежал в чайную, вчерашние гости уже сидели за столиком. Вероятно, они решили выпить чаю, пока не нагрянули другие посетители. Оба выглядели еще хуже, чем накануне: растерянные, отчаявшиеся, злые.

Стоило Куну сказать себе, что лучше держаться от них подальше, как один из мужчин, не глядя на него, произнес:

— А ну-ка, парень, ступай, напои наших лошадей!

В Сячжи лошади были редкостью, и Кун побаивался этих больших животных, но приказ гостей есть приказ, и он бросился его выполнять. Он едва шагнул за порог, как его остановил господин Линг.

— Куда собрался? Надо почистить циновки!

— Но я...

— Делай, что говорю! — прикрикнул хозяин, отвечивая мальчику подзатыльник.

Решив, что лошади подождут, Кун побежал собирать циновки. Это была привычная работа, и он надеялся быстро справиться с ней. Однако когда растрепанный, задыхающийся, потный, он вновь вошел в чайную, сгибаясь под грудой циновок, его встретил грубый окрик:

— Ты что же, бездельник, до сих пор не напоил коней?!

К несчастью, хозяин быстро сообразил, что к чему, и выскочил вперед, беспрестанно кланяясь гостям.

— Прошу прощения, господа! Сейчас я задам этому дрянному мальчишке! Как это он посмел оставить лошадей без воды!

Хотя лицо господина Линга буквально лоснилось от лести, Кун сполна ощутил злобу хозяина, когда тот изо всех сил поддал ему в бок ногой, обутой в твердый кожаный башмак. Кун упал на колени, и циновки посыпались на пол. Когда из-под груды соломы появилось искаженное от страха, раскрасневшееся лицо мальчика, гость замахнулся, собираясь вlepить ему пощечину, и вдруг его рука замерла на полпути.

— О, покровители! — выдавил он и обернулся к товарищу. — Вот она, метка!

Второй гость поднялся с места, подался вперед и впился в Куна до странности напряженным взором. Потом спросил хозяина:

— Это твой сын?

— Нет, господин! Он из семьи одного бедняка, я взял его к себе из жалости. Прикажете выгнать?

— Ступай. Мы сами разберемся с мальчишкой, — нетерпеливо произнес мужчина, небрежно махнув в сторону господина Линга.

Кун хотел, но не мог сдвинуться с места — его ноги словно вросли в пол. По жилам холодными змеями расползлся ужас. Мальчик сжался под тяжелым взглядом приезжего, не сомневаясь в том, что мольбы бесполезны, что сейчас его забьют до полусмерти, а после вышвырнут вон.

— Идем, — сказал гость мальчику и направился к дверям. Второй мужчина пошел следом.

Кун почувствовал, как что-то словно оборвалось у него в животе, и ему вдруг стало все равно, что с ним будет, лишь бы все побыстрее закончилось.

Туман рассеялся, в воздухе висела едва заметная дымка. Чистый воздух обжигал легкие. Ветер играл в верхушках деревьев. Мужчины шли по неоглядной зеленой пустыне, тянувшейся почти до самых вершин далеких гор, а мальчик обреченно плелся следом.

Кун спрашивал себя, зачем они ведут его так далеко? Не иначе, хотят убить! Несмотря на страшную догадку, им продолжало владеть сонное оцепенение, тупая вялость. Он с трудом заставлял себя передвигать ноги. Наконец мужчины остановились и уставились на мальчика, в этот миг напоминавшего пойманного в клетку зверька.

— Сколько тебе лет?

С трудом расправив дрожащие пальцы, Кун показал: десять.

— Как тебя зовут?

Проведя языком по занемевшим губам, он тихо ответил:

— Кун.

Мужчины в изумлении переглянулись.

— Даже имя похоже! Твой отец крестьянин?

Кун на мгновение замер. В нем всколыхнулись остатки гордости, и он решил, что не выдаст чужим людям семейных секретов.

— Да.

— Тот мальчишка вырос в семье купца и наверняка знал намного больше, чем эта деревенщина. По крайней мере, он умел читать и писать.

— Думаю, Юйтан будет так рад увидеть сына, что не обратит внимания на некоторые мелочи. Можно сказать, что к мальчику плохо относились в семье, что приемный отец заставлял его работать.

— Этот парнишка китаец. А тот был наполовину маньчжуром.

Твердые пальцы одного из мужчин вцепились в подбородок Куна и приподняли его голову.

— Вглядишься в эти черты! Может, его мать и китаянка, но здесь явно не обошлось без маньчжурского семени!

— Мне кажется, у настоящего сына родинка была справа, — с сомнением произнес второй. — Юйтан заметит. Он без конца твердил про эту проклятую метку!

— Если *ты* точно не помнишь, на какой стороне лица у парня была родинка, Юйтан тем более позабыл. Он видел сына совсем маленьким. Решайся! Для нас это единственная возможность спасти свои головы и жизни наших детей.

— Вот что, парень, сейчас мы расскажем тебе одну историю, а если кому-нибудь проболтаешься, заставим съесть свой язык, понял?

Кун в ужасе закивал, а мужчина продолжил:

— Меня зовут господин Шон, а это — господин Чжун. Мы китайские дворяне, знатные люди, служим маньчжурскому князю Юйтану Янчу, очень богатому и могущественному человеку, наместнику провинции Гуандун. У него есть все, что только может пожелать смертный, кроме одного и, пожалуй, самого главного — наследника, ибо его жена закончила жизнь бездетной. Разумеется, помимо законной супруги он имел много наложниц, но только одна из них сумела родить ему ребенка. Эта девушка была китайкой, а госпожа Сарнай, мать князя, не желала, чтобы наследником ее рода стал ребенок, в чьих жилах течет кровь порабощенного народа. Не выдержав тяжелого характера госпожи Сарнай, наложница сбежала из княжеского дома вместе с сыном. Прошло десять лет, и когда жена господина Янчу умерла, он решил разузнать о судьбе сына и, если тот жив, взять его в дом. Князь поручил это нам, и мы согласились, рассчитывая получить награду. Нам удалось найти Пин, бывшую наложницу господина: она вышла за купца и жила в провинции Гуанси вместе со старшим сыном и другими детьми. Господин Юйтан приказал привезти мальчика. Мы сказали женщине, что князь пощадит ее семью, если она отдаст нам мальчишку, и ей пришлось согласиться. Парень не знал, кто его настоящий отец, хотя и носил маньчжурское имя Киан, которое князь дал ему при рождении. Он не хотел с нами ехать, но мы объяснили ему, что он может потерять и что приобрести. Однако по дороге мальчишка заболел лихорадкой и умер. Пока что господин Янчу не знает об этом, как и мать Киана. Если мы приедем к хозяину ни с чем, он нас убьет и прикажет казнить членов наших семей. Ты похож на Киана: тот же возраст, родинка на лице. Князь должен нам поверить. Единственное серьезное препятствие — все та же госпожа Сарнай. Она самый влиятельный и опасный человек в доме. Воистину злой дух в облике женщины! Сарнай стара, но у нее ум лисицы, память обезьяны и упорство черепахи. Встреча с ней — сложное испытание, и все же мы предлагаем тебе отправиться с нами и попытаться выдать себя за сына Юйтана Янчу. Мы тебе поможем: научим, что говорить и как себя вести.

Кун стоял, прикусив губу, и мучительно боролся с охватившей его паникой. Его чувства неудержимо рвались наружу. Ему чудилось, будто сокровище, которое ему предлагают, пропитано ядом, а чужая тайна пахнет смертью, и он лихорадочно размышлял, как ему вырваться из ловушки.

Видя реакцию мальчика, господин Чжун решил помочь товарищу.

— Это страна китайцев, но хозяева в ней маньчжуры. Законы придуманы для нас, а они живут по своим правилам. Сейчас ты один из многих, а там сделаешься единственным. Ты был китайцем, станешь маньчжуром, родился крестьянином, а превратишься в воина. И не просто в воина, а в воина «восьмизнаменной»[1]! В княжеского сына, который живет в роскошном доме, носит шелковую одежду, дорогое оружие, ест на серебре, командует сотнями людей и получает пожизненное жалованье. После смерти господина Янчу все его богатство и власть достанутся тебе. Даже мы, мы будем состоять у тебя на службе! Наше единственное условие — ты должен быть благодарным и не забывать ни о нас, ни о наших детях. Правды не будет знать никто, только мы трое.

Кун вспомнил уродливое лицо и жалкие лохмотья Бао, его искривленный в крике рот и горящие ненавистью глаза. Юна с его деревянной лошадкой, в которую ему так и не довелось поиграть. Подумал о господине Линге с его сладким прищуром и цепкими пальцами, и внезапно картины будущего показались ему до боли яркими и реальными.

Однако на пути к новой жизни стояло неодолимое препятствие — его любовь и жалость к Ниу. Если он сделает ее несчастной, все сокровища мира потеряют для него всякую ценность.

— Я... я должен посоветоваться с матерью!

Взгляд господина Чжуна пригвоздил мальчика к месту.

— Нет! Если ты проболтаешься, рано или поздно твои родители захотят повидаться с тобой, а еще, чего доброго, попросить у князя денег! И тогда все рухнет. Вместе с тобой мы увезем твою память и твое прошлое.

Кун и сам не знал, что заставило его произнести:

— Я не хочу!

По губам господина Шона скользнула улыбка.

— Человек, умеющий говорить «нет», достоин стать княжеским сыном. Однако мы рассказали тебе слишком много, чтобы ты мог сам делать выбор. Решено — ты поедешь с нами.

Позднее Кун не мог сказать, что лишило его воли, страх или соблазн, но это было уже неважно. В этой новой действительности, похожей на сон, он ехал в седле впереди господина Чжуна по густому лесу вдоль тонувшей в тумане горной цепи, навсегда покидая прежнюю жизнь.

[1] «Восьмизнаменной» или «армией восьми знамен» (знамя – корпус) называлась элитная армия, скомплектованная из маньчжурских воинов.

Глава третья

Хотя они с матерью и сестренкой путешествовали вот уже несколько дней, Мэй до сих пор не знала, куда и зачем они едут. Женщин пускали далеко не во все гостиницы, к тому же одинокие неизменно вызвали сомнение в их порядочности, но Ин-эр говорила, что случайно отстала от своих спутников, к тому же она выглядела как благородная дама, и ей давали кров.

Правда, комнаты на постоялых дворах отделялись друг от друга такими тонкими перегородками, что даже приглушенные голоса мешали спать. Иногда воды для умывания, которую приносили по утрам, была чуть теплой, а то и несвежей.

Днем они с матерью и Тао обычно питались в бульонных, где подавали различные супы и пирожки: к своему великому удовольствию, девочка перепробовала массу ранее незнакомой, хотя и простой, но очень вкусной еды.

Для Мэй, прежде не покидавшей пределов усадьбы, в которой она родилась, это путешествие было настоящим приключением. Больше всего ей нравилось идти по проселочной дороге, любуясь вечнозелеными соснами. Они стояли таким плотным строем и от них шел столь сильный смолистый запах, что девочке чудилось, будто они с матерью и сестрой заперты в душистой клетке. Шум ветра в высоченных кронах был той самой «музыкой небес», о которой говорила мать, а чешуйчатая кора напоминала тело дракона, величайшего из легендарных существ.

В отличие от Ин-эр Мэй, которой не бинтовали ноги, легко перешагивала через камни и сосновые корневища. Ей хотелось бежать с громким смехом, наслаждаясь чистым воздухом, проникающим в легкие, и ощущением безграничной свободы, будоражившим душу, но, во-первых, это было неприлично для воспитанной девочки, а во-вторых, ей приходилось вести за руку маленькую сестренку и поддерживать мать.

Последняя осторожно переступала своими маленькими ножками. Она быстро уставала, а потому часто садилась на придорожный камень и ждала, когда вдалеке покажется повозка.

У Ин-эр было лилейно белое лицо, выразительные глаза, стройная фигура и тонкие нежные пальцы. В ее серьгах блестели ярко-голубые самоцветы, розовое платье покрывал изящный узор из переплетенных между собой сливовых веток. Из-под длинного подола выглядывали острые носки крохотных красных туфелек. В волосах красовались шпильки с головками из яшмы. Она держалась надменно и гордо, как и подобает наложнице уважаемого, богатого, наделенного властью человека. Ин-эр ходила, слегка покачиваясь, как ветка ивы на ветру, — то была идеальная походка китайской красавицы.

Девятилетняя Мэй обожала свою мать и младшую сестру. Они всегда были втроем, не считая служанок и отца, вечно занятого человека, который заглядывал в их покои не чаще раза в месяц. Хотя знания Мэй о мире, простиравшемся за стенами усадьбы, были подобны далеким и смутным снам, ей и в голову не приходило выйти за ворота.

А потом мать неожиданно разбудила ее ранним утром, они вместе собрали вещи, подняли с постели плачущую Тао и покинули дом, в котором Мэй жила с рождения. Никто ничего ей не объяснил, и ни один человек не вышел их проводить.

Вначале Мэй чувствовала себя удрученной, а потом приободрилась. В окружении привычных вещей мир был понятен без слов, зато он не был таким захватывающе интересным, как теперь, когда одно впечатление без конца сменялось другим.

Наконец они прибыли в город, который назывался Кантон и где было многолюдно и красиво.

Всю свою короткую жизнь Мэй провела в замкнутом мире, тогда как Кантон казался открытым всему свету пространством, где дули заморские ветры и бушевали чужеземные стихии. Этому городу были присущи торжественность и праздничность. Многие дома строились в

два, а то и в три этажа и имели черепичные крыши, кирпичные стены, длинные галереи вдоль фасадной стены и оклеенные цветной бумагой решетчатые окна.

Над городом возвышались многоярусные пагоды, напоминавшие плывущие по волнам корабли. По улицам разгуливали представители маньчжурской знати в вышитых яркими нитками одеждах, шелковых шляпах с кисточками из цветных шнурков и остроносой обуви. Семенили изнеженные городские красавицы со сложными прическами, прячущие свою белую кожу под легкими бамбуковыми зонтиками.

Ин-эр, Мэй и Тао остановились в скромной гостинице на улице Луаньсин-цзе. На первом этаже располагалась чайная, на втором — разделенные деревянными перегородками спальни. Все трое сильно проголодались и потому с удовольствием отведали утиного бульона, жареной морской рыбы и булочек с шафраном, после чего выпили зеленого чая.

Ин-эр рассказала, что Кантон славится изготовлением шелка, атласа, кисеи и других тканей. Поблизости от гостиницы находился рынок, и Мэй смогла убедиться, что там продают великолепные креповые шали, искусно вышитые покрывала на жертвенники, шелковые ленты, которые женщины используют вместо чулок, обматывая ими ноги. Она ожидала, что Ин-эр что-нибудь купит, но та сказала, что все очень дорого стоит, и поспешила уйти с рынка.

Мэй удивилась, она не думала, что у них могут быть трудности с деньгами. Признаться, она вообще никогда не задумывалась о них: все, что было нужно, появлялось в их доме словно само собой.

Ин-эр принялась ходить от дома к дому, расспрашивая жильцов о какой-то женщине. Мэй никогда не слышала такого имени, поэтому, улучив момент, поинтересовалась у матери, кого они ищут.

— Мою сестру и твою тетю Ши. Она замужем за купцом и должна жить в этом квартале.

Наконец что-то прояснилось, хотя прежде мать не упоминала о том, что у нее есть сестра.

— Мы приехали ее навестить?

— Да.

Через два дня им повезло: они узнали, где живет таинственная Ши, забрали вещи из гостиницы, расплатились с хозяином и направились к ней.

Дом был покрыт синей черепицей и опоясан открытой галереей, окна забраны узорными решетками. И все же по сравнению с постройками их усадьбы он выглядел бедно.

Когда они вошли в ворота, девочка с изумлением оглядела маленький чахлый садик, где не было ни фонтана, ни качелей, ни беседки. Этот сад в отличие от того, в котором привыкла гулять Мэй, казался неухоженным и унылым.

Навстречу вышла неприветливая женщина примерно того же возраста, что и Ин-эр. Скрестив руки на груди, она разглядывала незваных гостей, ожидая, что они скажут. Ее глаза были широко открыты, а губы напротив — крепко сжаты.

— Ты узнаешь меня, Ши? — с непривычной кротостью промолвила Ин-эр.

— Узнаю, — процедила та, — хотя и с трудом верю своим глазам!

Ин-эр тихонько вздохнула. Сестры не ладили с самого детства. Ин-эр была заносчивой, а Ши завистливой. Обе отличались красотой, но старшая умела держаться, как императрица, и, несмотря на все усилия, младшей ничего не оставалось, как прозябать в ее тени.

Их отец был ученым человеком, шэньши, и один из маньчжурских дворян нанял его для обучения своих сыновей. Как ему удалось намекнуть хозяину, что у него есть две прекрасные дочки на выданье, осталось загадкой. Так или иначе маньчжур, который никогда не отказывал себе в удовольствии обзавестись очередной любовницей, пожелал посмотреть на девушек.

При виде Ин-эр господин был охвачен чувственным огнем. В ее глазах под полуопущенными длинными ресницами он разглядел выражение кокетливой томности и затаенной пылкости. Вдобавок ее нос был тонким, губы — полными и свежими, как лепестки роз, лоб —

высоким, гладким и белым, а пальчики нежными, как лепестки лотоса. В ее красоте причудливо сочетались страстность, целомудрие и благородство.

Маньчжуры не женились на китайках — дабы предупредить смешение двух народов, это было запрещено законом, но охотно брали китайских девушек в наложницы.

Узнав о том, что Ин-эр будет жить в доме богатого маньчжура, Ши не могла найти себе места. Теперь сестра сможет носить шелковые одежды, золотые серьги и красный зонтик!

Новый господин Ин-эр преподнес ее родителям и сестре дорогие подарки, но Ши ничего не радовало: дни напролет она оплакивала свою судьбу. Спустя полгода военные командиры перевели маньчжура в другую провинцию, он увез Ин-эр с собой, и она исчезла на целых десять лет. Со временем Ши осушила слезы и вышла замуж за кантонского купца. Она редко вспоминала сестру, и вот теперь та явилась, как ни в чем ни бывало, явилась, чтобы вновь заставить ее терзаться муками зависти.

Ин-эр была нарядно одета, ее искусно уложенные волосы блестели, как черный лак, напояженные губы напоминали спелые вишни, вот только в глазах застыло незнакомое выражение нерешительности и растерянности.

Почувствовав свое превосходство, Ши подбоченилась и дерзко спросила:

— Что тебе нужно?

— Я приехала тебя навестить.

— Ты не явилась даже на похороны родителей, хотя мой муж отправил тебе письмо!

— Я не смогла. В ту пору я только-только родила Тао.

— И что? У тебя наверняка полно служанок — могла бы оставить девчонку на них!

— Господин был против того, чтобы я покидала дом. Путь не близкий.

Ши подозрительно прищурилась.

— А сейчас что с ним случилось? Почему он тебя отпустил?

Ин-эр тяжело вздохнула и, не найдя подходящего ответа, неловко произнесла:

— Просто я давно не была дома.

— Вообще-то это мой дом, — заявила Ши, продолжая разглядывать сестру и племянниц. Внезапно ее взгляд упал на ноги старшей девочки, и она с отвращением воскликнула: — Какие огромные ступни! Ты что, не бинтовала ей ноги?!

Мэй вздрогнула и спряталась за спину Ин-эр.

Этот жестокий обычай так искалечил ноги ее матери, что в детстве она долго не могла ходить. Даже сейчас, передвигаясь по улице или даже по дому, Ин-эр постоянно искала опору. Когда однажды Мэй залюбовалась ее маленькими ножками, мать усадила дочь рядом с собой, сняла свои крошечные туфельки и показала Мэй изуродованные ступни, напоминавшие бесформенные куски мяса, после чего рассказала о тех страданиях, какие ей пришлось вынести. Тогда же Ин-эр сказала Мэй, что она наполовину маньчжурка, а они воспитывают своих дочерей иначе, чем китайцы: рождение девочки не считается несчастьем, им позволено сидеть в присутствии старших, есть вместе с мужчинами, играть с мальчиками.

Остатки гордости заставили Ин-эр вздернуть подбородок, и на мгновение Мэй увидела мать прежней, независимой и гордой женщиной.

— Ее отец маньчжур, а у них не принято бинтовать девочкам ноги.

Ши презрительно фыркнула.

— С такими лягушачьими лапами ей будет трудно найти хорошего жениха.

Мэй ожидала, что мать возразит, но та промолчала.

— Сколько ей? — спросила Ши.

— Девять.

Тетка поджала губы.

— Время упущено. Тогда ты должна немедленно начать делать это с младшей, иначе будет поздно!

— Хорошо, я подумаю. Мы можем остаться у тебя или нам вернуться в гостиницу?
Ши передернула плечом.

— Вы надолго?

Ин-эр сделала неопределенный жест, который встревожил Мэй. Зачем оставаться у этой сварливой женщины, которая им явно не рада! Не лучше ли поехать домой?

Между тем мать отцепила от пояса красиво вышитый мешочек с благовониями, с которым никогда не расставалась, и протянула его сестре. Потом открыла плетеный дорожный сундучок и вынула из него красную лаковую шкатулку и черепаховый гребень.

— Возьми.

Мэй знала, что это личные вещи матери и что Ин-эр ими очень дорожит. Что заставило ее отдать свои маленькие сокровища Ши? Так или иначе тетка заметно подобрела и пригласила их в дом.

У Ши и ее мужа было трое детей, две девочки и мальчик. Махнув рукой, она небрежно представила им гостей. Потом раздвинула одну из дверей и сказала:

— Это ваша комната. Обедать будем, когда придет Цзин.

В маленьком помещении не было другой мебели, кроме скромно расписанной ширмы, простых некрашенных циновок и двух жестковатых топчанов. Однако усталое лицо Ин-эр озарилось радостным светом. Она с трудом успокоила Тао, которая устала и раскапризничалась. Попросила Мэй принести воды и, напоив младшую дочь, уложила ее спать. Мэй залюбовалась сестренкой, ее пухлыми ручками и свежим, румяным лицом. Мать всегда наряжала Тао в тончайшие платья нежных расцветок и вплетала ей в волосы искусственные цветы.

Ин-эр выглядела утомленной. Тяжело опустившись на ложе, она развернула широкий веер из бамбуковых планок с натянутой на них шелковой тканью, вышитой диковинными цветами и птицами, и принялась обмахиваться.

— Почему ты отдала этой женщине свои вещи? — спросила Мэй.

— Чтобы она позволила нам остаться.

— Зачем? Мне не нравится в этом доме. Тут все чужое. Я хочу вернуться обратно.

— Боюсь, нам придется позабыть слово «хочу» и делать то, что скажут.

— Почему?

— У нас осталось мало денег, и нам некуда идти.

— А наш дом? Разве у нас нет дома?

Ин-эр опустила глаза, и ее длинные ресницы дрогнули.

— Мы никогда не вернемся туда.

Если бы мать сказала, что завтра на небе взойдет черное солнце, Мэй удивилась бы меньше.

— Как, почему?! — вскричала она, чувствуя, как на глазах выступают слезы.

Ин-эр не ответила. Женщина не могла рассказать своей маленькой дочери правду. Быть может потом, когда та подрастет...

Глава четвертая

Без сомнения, причиной случившегося была... скука. С течением времени роскошный, но неизменный окружающий мир стал вызывать у Ин-эр тошноту. Если в первые годы она купалась во внимании господина, то после на смену ей пришли другие наложницы, красивей и моложе, и он посещал ее все реже и реже.

Как и все женщины, она любила делать покупки. Однажды по дороге на рынок Ин-эр увидела сквозь кисейные занавески паланкина прекрасного молодого воина, и в ее душу проникла болезнь, от которой не существует лекарства. В ее нежном, белом, как алебастр, теле зародилось убийственное пламя, а в безупречно причесанную головку проникли похожие на сверкающие молнии мысли.

Сейчас Ин-эр не хотелось вспоминать, как ей удалось подкупить служанку, а той — передать записку. Каждая встреча с Чаном была путешествием в рай по крутым волнам любовной стихии.

Тот день, когда господин узнал об измене наложницы, стал самым черным днем в ее жизни. Ин-эр было страшно думать о том, что стало с ее возлюбленным. Оставалось надеяться, что его душе не придется долго томиться в круге перерождений. С ней самой господин поступил иначе. Ей было велено собрать личные вещи и покинуть усадьбу. Ин-эр оценила и жестокость, и милосердие своего повелителя.

— Что толку говорить о том, почему мы не можем вернуться? — со вздохом произнесла она в ответ на вопрос дочери. — Того, что уже случилось, нельзя изменить.

Ин-эр решила переодеться к обеду. Когда она принялась стягивать платье, раздалось мелодичное звяканье, напоминавшее журчание весеннего ручейка. То звенели тонкие яшмовые пластины, прикрепленные к подолу ее одежды. Этот звук навсегда запомнился Мэй, как призрачный голос прежней, навсегда потерянной жизни.

Когда Ин-эр вышла из комнаты, на ней был новый наряд, соединявший в себе множество оттенков сиреневого цвета, изящные туфельки и белые чулки. Она уложила волосы в сложную волнистую прическу, закрепив ее при помощи шпилек и заколок. Лицо было матово-белым от пудры, губы выкрашены в розоватый цвет лепестков цветущей яблони.

Муж Ши, Цзин, пораженный красотой свояченицы, уставился на нее, как на диковинку, а Ши заскрежетала зубами от злости. Обед прошел напряженно, и вскоре Мэй отправили спать. Сквозь тонкие стены до нее долетали обрывки разговора взрослых:

— Значит, ты больше не наложница богатого маньчжура! И чего ты хочешь от нас?

Мать что-то тихо ответила, и тетка тут же взвилась:

— Нет! Мы не станем бесплатно кормить тебя и твоих лягушат! Ты можешь работать. Устроиться в мастерскую, где делают шелк, или пойти в служанки. А нет, так в публичный дом. Теперь для тебя там самое место. Глядишь, и девчонок пристроишь, когда подрастут.

Цзин попытался заступиться за свояченицу:

— Нехорошо так разговаривать с сестрой!

Однако Ши нельзя было назвать покорной женой, она любила высказывать свое мнение по самым разным вопросам и часто перечила мужу.

— Вот как? Быть может, ты захочешь жениться на ней, а меня выставишь на улицу? Наш отец говорил: «Когда мужчина берет женщину в свой дом, для нее нет обратной дороги». Разве есть оправдание тому, что она натворила! После такого я бы предпочла умереть, а она, как ни в чем ни бывало, явилась к нам и просит о помощи! Думает, мы посадим и ее, и девчонок себе на шею!

Ши торжествовала. Ей было радостно видеть, что жизнь согнула ее сестру так же, как сгибала других людей.

Когда полная отчаяния Ин-эр вернулась в комнату, Мэй затаилась в постели и сделала вид, что спит. Она слышала тихое размеренное шуршание — мать разматывала шелковые ленты, которыми были обернуты ее ноги. Под этот звук Мэй и заснула, а разбудил ее пронзительный визг, доносившийся со двора. Матери рядом не было. Возле ложа аккуратно стояли две крохотные туфельки, в которые девочка смогла бы просунуть разве что ладошку.

Когда Мэй сбегала вниз, Ин-эр уже сняли с дерева, на котором она повесилась, сделав петлю из тех самых шелковых лент. Ее черные волосы разметались по траве, белые руки были раскинуты в стороны, а глаза смотрели в никуда. Отныне Ин-эр пребывала в мире, где жизнь и смерть равны друг другу в своей непостижимости и совершенстве.

Тао проснулась и звала мать. Тетка пыталась что-то соврать, а Мэй словно окаменела. Она пришла в себя, когда Ши принялась рыться в вещах матери, как стервятник копался бы в куче падали.

— Не трогайте, это не ваше! — воскликнула девочка и набросилась на тетку с кулаками. Та отшвырнула ее.

— Прочь, лягушка!

Цзин старался образумить жену:

— Что ты делаешь? Разве у тебя мало своих нарядов? Прежде надо подумать о похоронах!

Ши обернула к нему искаженное злобой лицо.

— Такой одежды ты мне никогда не дарил! О похоронах? Это обойдется нам в круглую сумму! А что делать с девочками? Ты не подумал о том, что Ин-эр сделала это нарочно, чтобы оставить на нас своих детей!

Цзин пожал плечами.

— Мы не можем их выгнать.

С того дня все заботы о Тао легли на плечи Мэй. Добавок ее заставили помогать кухарке, которую звали Лин-Лин. Тетка велела племяннице снять нарядное платье и дала другое, старое. Мэй не знала, что сделала Ши с материнскими вещами, пока не увидела на тетке обтягивающее тело платье зеленого атласа, обшитую ярко-красной бахромой накидку и вышитый золотом черный пояс. Различные мелочи и украшения матери тоже перекочевали в сундуки и шкатулки Ши.

В том, что случилось, тетка винила только Ин-эр:

— Поговорка гласит: «Кем родился, тем и будь». Моя же сестрица всю жизнь хотела запрыгнуть повыше, вот и допрыгалась.

Ши упоминала имя Ин-эр не иначе как с осуждением, а «цветущая слива» Мэй превратилась в «лягушку». Цзин укоризненное вздыхал, но не вмешивался. Двоюродные брат и сестры очень скоро стали относиться к девочкам так же, как их родители: презрительно, грубо или равнодушно.

Через неделю после смерти Ин-эр Ши вошла в комнату сестер с шелковыми лентами в руках.

— Теперь мне придется делать то, что поленилась сделать ваша мать! — проворчала она, приближаясь к младшей племяннице.

Поняв, что собирается сделать тетка, Мэй раскинула руки, как раскидывает крылья птица в попытке защитить птенца, и закричала:

— Нет, не трогайте ее!

Тао заревела от страха и спряталась за спину старшей сестры. Не подпуская тетку, Мэй царапалась и кусалась, словно дикий зверек. В конце концов, плюнув с досады, Ши бросила ленты на пол и заявила:

— Была одна лягушка, станет две! Посмотрим, что вы скажете, когда вырастете!

Шло время, и Тао все реже вспоминала Ин-эр. Она прикипела к Мэй всем своим маленьким сердцем, а та защищала и оберегала сестренку, не жалея себя, хотя ей приходилось нелегко. С тех пор как мать оставила ее одну, Мэй жила в бессознательном ожидании чего-то неумолимого и недоброго. В ту весну ее сны были однообразны, тоскливы и расплывчаты, как мазки туши, сделанные кистью неумелого художника. А душу не покидали печаль и тревога.

Глава пятая

Из соображений безопасности или по другим причинам Юйтан Янчу предпочитал обитать в загородных владениях, расположенных в нескольких часах езды от Кантона, а не в самом городе, где у него тоже было несколько домов.

Великолепная каменная лестница, начинавшаяся у подножия большого холма, на котором стоял обнесенный высокой стеной дворец, была такой длинной, что казалось, будто она ведет в небеса. Судя по всему, тот, кто здесь жил, игнорировал поговорку «Небо одинаково удалено от всех».

Ступенька за ступенькой поднимаясь наверх, Кун чувствовал, как шаг за шагом раздвигаются границы привычного мира и прежняя жизнь остается позади. За минувшие дни он навидался немало чудес, теперь же перед его глазами должно было предстать последнее и самое главное.

Ворота были выкрашены в красный цвет, цвет благополучия и счастья; вдоль фасадной стены здания шла широкая веранда. Дорожки сада были вымощены гладкими каменными плитами. В саду росли красивые цветы, аккуратно подстриженные кусты и раскидистые деревья.

Когда Кун, господин Чжун и господин Шон подошли к крыльцу, перед ними во всем великолепии и блеске предстал хозяин дворца. Повелитель. Отец.

Он был одет в дорожную одежду благородных темных тонов, по его спине спускалась длинная, тугая, похожая на толстую черную змею коса. Спутники Куна немедленно повалились ему в ноги, а князь медленно произнес:

— Приехали? Это он?

Его взгляд холодил душу и лишал воли, а голос отдавался в груди, как раскаты грома. Внезапно Кун понял, что погиб. Он ощутил стеснение в легких, темноту в глазах, тяжесть на сердце и в конце концов — головокружительное низвержение в пустоту. Он вмиг позабыл обо всем, чему его учили: не поклонился князю, не поцеловал ему руку, а просто стоял, маленький, испуганный, жалкий, покорно ожидая своей участи.

Юйтан Янчу подошел ближе.

— Киан?

Мальчик осторожно кивнул. Ему чудилось, будто его шею все сильнее стягивает невидимая удавка. Хотя его не повесят, нет. Разрубят тело на части и бросят на корм свиньям!

Тяжелые руки князя опустились на худенькие плечи мальчика.

— Я рад тебя видеть!

Кун почувствовал теплоту и силу рук человека, чьим сыном его вынуждали притворяться, и на мгновение ему почудилось, будто его окутал уютный и мягкий кокон. Ему словно передались уверенность, спокойствие и могущество Юйтана Янчу. Однако стоило ему испытать хоть какое-то облегчение, раздался неприятный скрипучий голос:

— Ты все-таки приказал привезти сюда сына этой презренной китайки?!

— Это *мой* сын.

Кун поднял голову. На крыльце стояла старуха. Ее взгляд из-под морщинистых век был внимательным и острым. Это была Сарнай, мать князя, соглядатай его жизни.

— Твой сын? Взгляни на его руки, исцарапанные, со следами ожогов. В них, как и в его душу, въелась грязь!

— Господин! — подал голос Чжун. — Приемный отец мальчика плохо относился к нему, его заставляли работать и даже били.

— Нет ничего плохого в том, что будущий князь рано познал несправедливость жизни. Это способствует здравомыслию и умеренности в страстях, — отозвался Юйтан.

— Это не детеныш тигра, а щенок гиены, трусливо поджавший хвост, — презрительно произнесла старуха. — Ты уверен, что это он?

— На его лице родинка, которую я помню с давних времен.

Сарнай взглядела в лицо Куна.

— В данном случае это не божественная отметина, а досадный изъян. Прежде чем брать мальчишку в дом, надо устроить ему испытание.

— Зачем? Он без того растерян и напуган. Нужно вымыть его, переодеть и накормить. А испытания пусть устраивает жизнь. Идем, Киан, — сказал князь и небрежно махнул в сторону Чжуна и Шона. — Я подумую, как вас наградить.

Княжеские покои вызвали у Куна ощущение необычайного простора. Тени деревьев, растущих вокруг дворца, ложились на стены ажурным покровом, кроме того, здесь висело много надписей тушью и золотом на красной бумаге. Комнаты были обставлены мебелью дорогих пород дерева, там было немало керамики с легкими, словно тающими узорами, лаковых шкапулов, изделий из слоновой кости и эмали.

— Мать говорила тебе обо мне? — спросил Юйтан, усадив мальчика на диван.

Кун помотал головой.

— Вот как? Ничего, у нас будет время узнать друг друга. Не думай, что тебя ждет легкая жизнь. Тебе придется многое наверстать. Научиться ездить верхом, владеть оружием, повелевать слугами, читать и писать. У тебя будут свои покои и собственная свита.

Вспомнив, о чем всю дорогу твердили княжеские вассалы, Кун нерешительно произнес:

— Я могу взять себе в спутники сыновей господина Чжуна и господина Шона?

Юйтан нахмурился.

— Не называй их господами, они твои слуги. Мы ведем свой род от первых маньчжурских императоров и подчиняемся лишь великому сыну Неба[1]. Не советую брать в соратники китайцев — в решающий момент они могут тебя предать.

Кун растерянно молчал, и князь смягчился:

— Понимаю, ты провел среди них десять лет и даже не знаешь родного языка. Я пришлю к тебе этих мальчишек, но ты не должен забывать о том, кто они, а кто ты.

Кун кивнул. Он помнил, что в его руках не только собственная жизнь, но и судьбы других людей, и это придавало ему отчаянное мужество.

— У тебя есть еще какие-нибудь желания? — спросил Юйтан.

Собравшись с духом, Кун произнес:

— Я хочу деревянную лошадку, каких продают на базаре.

Князь рассмеялся и потрепал его по волосам.

— Ты уже большой для таких игрушек! Я подарю тебе настоящего коня и хороший меч!

Вскоре чистый и переодетый Кун очутился в саду. Здесь были искусственные горы, водоемы и острова. То был таинственный храм из листвы, трав, мха, населенный загадочными существами. Внезапно Кун почувствовал, как в нем пробуждается фантазия. Он подумал о том, сколько интересных жизней мог бы прожить в этом саду, какие немыслимые истории был способен разыграть среди этих зарослей.

Он не заметил, как к нему подошли два мальчика и растерялся. У Куна никогда не было друзей. Он позабыл о словах Юйтана, и ему почудилось, что эти хорошо одетые, уверенные в себе мальчишки станут смеяться над ним. А они вдруг упали на колени и поцеловали подол его одежды. Ошеломленный, Кун отшатнулся и, не зная, как исправить положение, неожиданно произнес:

— Давайте поиграем?

От удивления мальчишки разинули рты. Но они тоже были детьми, а дети быстро откликаются на подобные предложения. Прошло немного времени, и они уже носились друг за другом с восторженными воплями, прятались, сражались, сооружали крепости, искали клады.

Одного из мальчиков звали Хао, а другого Дин: Куну очень хотелось, чтобы эти презируемые князем маленькие китайцы стали его верными спутниками.

Он вернулся в дом разгоряченный, с сияющими глазами. Безмолвный слуга с поклоном подал ему мокрое полотенце, чтобы он мог обтереть лицо и руки. Увидев палочки, Кун оробел — в доме Бао все ели руками. В дороге Чжун и Шон хорошо кормили его, но, увлеченные своими разговорами, не обращали внимания на то, как он ест.

— Давай я покажу, как это делается, — мягко предложил князь, и мальчик вновь с удовольствием ощутил прикосновение его больших теплых рук.

За обедом, пока Кун пытался орудовать палочками, Юйтан Янчу рассказывал сыну о своих владениях и о той жизни, какой ему предстояло жить.

Обязанности правителя Гуандуна перед императором состояли в отсылке в столицу ежегодного налога и поддержании порядка в провинции. Юйтан Янчу представлял в своем лице неограниченную власть, он имел право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных. Он чинил суд и расправу, издавал указы, имел свое войско и, согласно традиции, никому не доверял.

Так, во дворце был подземный ход, о котором знали лишь Сарнай, Юйтан, его ныне покойная жена, а теперь — и вновь обретенный сын. Ни наложницы, ни слуги не имели о нем ни малейшего понятия.

— Только младенцу неизвестно, что милости Неба непостоянны: даже такие, как мы, могут угодить в опалу. Я сегодня же покажу тебе потайную дверь, хотя спастись бегством — последнее средство для благородного человека.

Юйтан верил Куну. А вот Сарнай — нет. Она следила за ним и постоянно пыталась заманить в ловушку. Так однажды, когда мальчик разглядывал инкрустированную жемчугом шкатулку сандалового дерева, старуха сказала:

— Наверное, этот жемчуг напоминает тебе тот, какой носила твоя матушка?

Он не заподозрил подвоха и ответил «да». Сарнай тут же разразилась зловещим хохотом:

— Ему невдомек, что жемчуг может носить только жена дворянина, а никак не купца! Он поддакнул бы, даже если б я сказала, что его приемный отец надевал желтый халат! [2]

— Оставь его, — сказал Юйтан. — Возможно, то было ожерелье из фаянса или белой глины. Откуда мальчику разбираться в украшениях? К чему эти придирки? Чего ты хочешь добиться?

— Чтобы ты увидел истину: этот ребенок — не твой сын.

— Значит, я сделаю из него своего сына! — в сердцах ответил Юйтан, и эта фраза изменила ход мыслей Куна.

Если прежде он пытался притвориться законным отпрыском князя, то теперь решил приложить все усилия к тому, чтобы стать им. Он быстро понял, что должен быть храбрее, сильнее, умнее других, и прежде всего — своих новых товарищей. Сделаться их не назначенным, а настоящим предводителем, чувствовать себя среди них не тенью, а солнцем.

Юйтан сдержал слово и подарил сыну рыжего, как пламя, коня редкой породы, которого звали Айжин [3].

И Дин, и Хао отлично ездили верхом, так, будто родились в седле. Кун не успевал моргнуть глазом, как они вскакивали на спину коня, дергали повод, толкали пятками, и тот несся вперед горделивой и плавной рысью.

Собственное же тело казалось Куну деревянным, ноги слабыми, а пальцы — неловкими. Он не чувствовал лошади, вдобавок отчаянно боялся высоты, но говорил себе, что хотя Ниу была навеки привязанной к земле крестьянкой, она родила его от маньчжурского воина, того, кто все-таки ближе к Небу. Он знал, что должен избавиться от страха быть разоблаченным, от робости перед Юйтаном и Сарнай. Сделаться горделивым, независимым, дерзким. Превратиться из Куна Синя в Киана Янчу.

[1] Император.

[2] Одежания желтого цвета были разрешены только императору и принцам.

[3] Золото (*маньчж.*)

Глава шестая

Когда Мэй очутилась на кухне, первое, на что обратила внимание Лин-Лин, были, конечно, ее ноги.

— Странно, что мать не стала их бинтовать! С такими большими ступнями нелегко удачно выйти замуж.

— Зато я могу бегать, — сказала Мэй, и Лин-Лин покачала головой.

— От судьбы убежать нельзя.

Мэй надолго умолкла. Потом тихо спросила:

— Почему мама так поступила? Как она могла бросить меня и Тао?

— Потому что испугалась жизни, хотя жизни боится тот, кто думает лишь о себе, — отрезала кухарка.

Мэй попыталась уцепиться за последнюю соломинку:

— Разве отец не может приехать и забрать нас с сестрой к себе?

Лин-Лин покачала головой.

— Твоя мать была одной из десятков его наложниц, а вы — одни из полусотни его детей. К тому же тебя родила китаянка, а он маньчжур. Когда вырастешь, не связывайся с ними, что бы они ни сулили. Наши мужчины для них рабочий скот, а женщины — вещи для забавы. Всегда слушай, что я говорю, я никогда не научу плохому, а только тому, что пригодится в жизни.

Под бдительным оком Лин-Лин Мэй училась всяким пусть и полезным, но неприятным вещам — ошипывать птицу, потрошить рыбу. Кроме того, она следила за Тао и убирала в доме. Закончив дела, Мэй спускалась в сад, подходила к дереву, на котором повесилась мать, и обнимала его ствол. По иронии судьбы это была слива. Цзин хотел ее спилить, но девочка закатила истерику, и дерево не тронули. Неважно, что тетка надавала ей пощечин и плевалась ядом — зато теперь Мэй могла тайком излить свое горе.

Кора дерева казалась прохладной и гладкой, будто омытой невидимыми слезами. Когда Мэй говорила со сливой, ей казалось, что она обращается к Ин-эр, хотя на самом деле она взывала к мужеству собственного сердца. Оно требовалось, когда двоюродный братец дергал ее за волосы с противным смехом и опасным огоньком в глазах, и когда подруги Ши укоризненно качали головами и шептались:

— Какой бесстыжей женщиной нужно быть, чтобы столь бессмысленно разрушить собственную жизнь, да еще посадить на шею родственников своих детей, к тому же девочек!

Однажды Лин-Лин сказала Мэй:

— Было бы неплохо, если бы ты выучилась какому-то ремеслу. Нет ничего хуже, чем быть служанкой у чужих людей, а у своих — и подавно. Моя сестра и племянница работают в мастерских, где выращивают шелкопряда и разматывают шелковые нити. Ты бы тоже могла туда устроиться. Поскольку мало надежды выдать тебя замуж, ты должна выбрать для себя дело, которое со временем сможет тебя прокормить.

— Я не смогу выйти замуж из-за моих ног? — спросила Мэй.

— Прежде всего потому, что едва ли твоя тетя даст тебе приданое!

— А разве она отпустит меня в мастерскую?

— Я с ней поговорю. Скажу, что слышала, как соседи болтают о том, что госпожа Ши сделала сироту служанкой вместо того, чтобы приставить ее к полезному делу. К тому же в мастерских платят деньги — станешь отдавать их своим родственникам, и, глядишь, они будут лучше относиться к тебе. Да и кормежка там бесплатная.

— А кто присмотрит за Тао?

— Я присмотрю.

К удивлению Мэй, тетка согласилась. Девочка была рада вырваться из ненавистного дома, к тому же ее прельщали мысли о шелке: воображение рисовало волны тканей, казалось, сотканных из радости и света.

В условленное время за Мэй зашла сестра Лин-Лин и повела девочку в мастерскую. Над морем занимался рассвет, но прибрежные воды были еще темны. В городе постепенно загорались огни: Кантон медленно вырастал из ночной темноты. Тело пробирал утренний холод, и Мэй охотно прибавила бы шагу, но Циу и ее дочь шли еле-еле. Когда они добрались до мастерской, которая находилась на окраине города, солнце поднялось из-за горизонта и легло на вершину одного из домов, чем напомнило Мэй красный шарик на остроконечной шляпе отца.

Вопреки ожиданиям, девочка не увидела в мастерской никакого шелка. Здесь были ряды деревянных полок, больших плетеных корзин и огромных котлов, в которых закипала вода. В помещении было душно и жарко, одежды работниц были серыми от пота, пряди волос прилипли к лицу. Девочка ничего не понимала, и Циу принялась объяснять, что к чему. Мэй поручили снимать с полок коконы шелкопряда и складывать их в корзины — это была самая простая работа, не требующая ума и сноровки.

Другие женщины и девочки волокли корзины к котлам и осторожно опускали коконы в кипящую воду. Опытные работницы разматывали нити. Мэй сказали, что нить должна быть одинаковой толщины, светлая, чистая и блестящая. Самые искусные мастерицы могли разматывать в день до пяти лянов[1] шелка — больше не удавалось сделать почти никому.

Едва приступив к работе, Мэй поняла, что ей придется иметь дело с изнанкой той красоты, к какой она привыкла в прежней жизни. Очень скоро она стала задыхаться от пара и томилась по глотку свежего воздуха. Несмотря на здоровые ноги, Мэй двигалась медленнее других работниц, и на нее беспрестанно покрикивали. Тело превратилось в комок ноющих мышц, а голова напоминала раскаленный шар. Окружающие люди открывали рты лишь для того, чтобы сказать: «подай!», «принеси!», «живее!»

Когда Мэй уже не видела конца этой пытке, женщины вдруг засуетились больше обычного, а потом потянулись к выходу. Во дворе росло несколько тенистых деревьев. Работницы уселись под ними, с облегчением вытягивая ноги, вытирая потные лбы, доставая из-за поясов простенькие дешевые веера. Казалось, десятки огромных бабочек заработали крыльями, навевая желанную прохладу.

Мэй выпила воды и принялась ждать обещанного бесплатного обеда. Две женщины вынесли из помещения дымящийся котел. Мэй поспешила к нему, боясь, что ей не хватит пищи, и с изумлением отшатнулась: посудина была полна уже очищенных от оболочки вареных куколок шелкопряда!

— Ешь, — строго сказала Циу. — Куколки — полезная и вкусная пища, у той, кто их ест, лицо будет чистым и гладким, как шелк!

Однако Мэй с отвращением помотала головой и отошла подальше.

Когда в конце невыносимо долгого и трудного дня, обессиленная и голодная, девочка вернулась домой, тетка набросилась на нее с упреками в том, что в доме полно работы, и приказала немедленно заняться делами. Подошла Тао и принялась хныкать: она привыкла к обществу сестры и постоянно следовала за ней.

— Стоило тебе уйти, она так разревелась, что я с трудом ее успокоила, — сказала Лин-Лин и спросила: — Проголодалась? Пойдем, я тебя накормлю.

На кухне Мэй уселась на плетеный табурет и принялась быстро жевать рис и маринованную редьку.

— Когда получишь деньги, не вздумай отдавать все тетке, — сказала Лин-Лин и, вынув из стены камень, показала небольшую дыру. — Что удастся припрятать, клади сюда. Придет время — пригодится. Ну как работа?

— Я думала, там яркие ткани, а там — гусеницы, — со вздохом промолвила Мэй.

— Шелк — это для тех, кто наверху, — Лин-Лин показала на потолок, — а мы внизу, поэтому нам — то, из чего его делают. Мы работаем, а они развлекаются, мы плачем, а они смеются.

— Так будет всегда?

Кухарка задумалась.

— Не знаю. Возвыситься всегда труднее, чем очутиться в грязи.

— Почему?

— Больше всего на свете жизнь не любит давать ответ именно на этот вопрос.

Мэй пригорюнилась. Что есть жизнь? Ин-эр говорила, что она похожа на огромный свиток, который постепенно разматывается, с каждым мгновением являя нечто новое и неизвестное. Вместе с тем он уже написан от начала и до конца. Если б можно было прочесть его прямо сейчас! Тогда, наверное, удалось бы чего-то избежать, а что-то приблизить. А так только и остается ждать неведомого, считая тяжкие дни и теряя крупницы надежды на перемены к лучшему.

[1] [1] Лян — мера веса 31,2 г, а также старая китайская денежная единица.

Глава седьмая

Год, когда Киану Янчу исполнилось восемнадцать лет, выдался на редкость неурожайным из-за сменявших друг друга жестоких наводнений и засух. Кроме того, крестьяне страдали от непосильных повинностей и несправедливых поборов. В Поднебесной солдаты традиционно презирались за свое ремесло. Маньчжуры возвысили военных, превратив их в особое привилегированное сословие, получавшее немалое жалованье и не принимавшее участия ни в торговле, ни в обработке земли. Львиная доля выгодных государственных постов доставалась завоевателям. Лишь немногие знатные и преданно служившие маньчжурским правителям китайцы могли похвастать высокими должностями.

Между тем простые жители Поднебесной ели траву и кору деревьев, на улицах городов и деревень валялись трупы. Рынки опустели. Многие горожане перебивались мясом собак, кошек и крыс. На дорогах люди просили милостыню, многие продавали своих детей. Несколько десятилетий господства маньчжуров над китайским народом не принесли последнему ничего, кроме унижений и голода.

Во дворце Юйтана Янчу ничего не изменилось. Там по-прежнему ели жареного карпа, креветок свежего улова, суп из ласточкиных гнезд и засахаренные фрукты. Одевались в шелка и покупали драгоценности.

Накануне очередного дня рождения сына князь решил сделать ему подарок. Позвав юношу, он сказал:

— Полагаю, тебе пора стать мужчиной. Наверное, это должно было случиться гораздо раньше, но я считал, что ты должен закончить обучаться тому, чему было необходимо научиться в первую очередь. В общем, в соседней комнате тебя ждет девушка. Не бойся оскверниться, ее прелести чисты — она девственница.

— Она станет моей наложницей? — спросил Киан.

Юйтан нахмурился.

— Нет. Прежде чем взять наложницу, ты должен жениться на знатной маньчжурке. До того времени можешь развлекаться, но — никаких привязанностей и прочных связей.

— Тогда что с ней будет?

— Не думай об этом. Ее родители получают обещанную награду. Этого хватит для того, чтобы выдать ее замуж.

Поклонившись отцу, Киан вышел за дверь.

Юная китайка была одета в платье, затканное узором из кленовых листьев. На ее крохотных ножках красовались шелковые башмачки с загнутым остроконечным носочком. Ее глаза напоминали лепестки темных цветов, а губы — алых. Волосы струились вдоль тела подобно водопаду темного шелка. Она собиралась упасть к его ногам, но Киан ее остановил. Он хотел спросить, как ее зовут, но потом передумал. Не все ли равно?

Когда Киан представил, как его руки опускаются ей на грудь, а потом и он сам ложится на нее всем телом, раздвигает нежные створки ее потаенной раковины и проникает внутрь, а девушка с готовностью выгибается ему навстречу, в его жилах закипела кровь.

Последние два года он много времени проводил среди воинов, где не было недостатка в рассказах о любовных утехх. Между тем большинство из них имело дело с искушенными женщинами, тогда как перед Кианом стояла совсем юная девушка, почти ребенок. Заметив в ее глазах слезы, а в изгибе губ — покорность и страх, он вспомнил неведомого маньчжура, который провел с его матерью одну-единственную ночь, судьбу Ниу, свое детство, и, вернувшись к отцу, сказал:

— Благодарю вас за ценный подарок, но прежде я бы хотел испытать себя в настоящем деле. Побережь свои тайные силы, чтобы стать хорошим воином. Сражения на поле любви подождут. Прошу, выдайте родителям девушки обещанную награду, а ее отпустите домой.

Князь усмехнулся. Сын еще молод и не знает, какую мощь способен обрести человек в слиянии двух начал!

— Я уверен в том, — промолвил он вслух, — что ты способен сделаться человеком, чья власть обусловлена умом, великодушием и отвагой, а не только назначением императора.

— Я рад, что вы меня понимаете, — искренне произнес молодой человек.

Похлопав сына по спине, князь сказал:

— В провинции началось восстание, в городе нарушен порядок. Простолюдины негодуют. Я получил приказ их усмирить. Между тем я уже немолод, а ты жаждешь ратных дел. Невелика честь рубить головы непокорным китайцам, но, к сожалению, нам приходится заниматься и такими делами. Бунт черни подрывает империю изнутри. Собери надежных людей. Постарайтесь сделать все быстро, тихо и без особых потерь.

— Я буду командовать войском?

— Командование я поручу опытным людям, Ердуну с Октаем. А у тебя будет свой небольшой отряд.

Киан с трудом подавил вздох разочарования. Это означало, что его вновь не допустят к серьезному делу, а всего лишь позволят поиграть в войну. Можно ли стать искусным солдатом, когда кто-то постоянно следит за тем, чтобы с твоей головы не упал ни единый волос! Он вышел во двор, где его ждали верные Хао и Дин. На людях они держались с ним как вассалы, но наедине могли вести себя по-приятельски.

— Я слышал, ты отказался от хорошенькой китайки, — заметил Дин, толкнув его локтем. — С чего бы это?

— Если отведаешь такого лакомства, и думать забудешь о чем-то другом! — подхватил Хао.

— Потому и отказался, — ответил Киан.

— Хорошо, что не потому, что испугался.

Они были готовы осыпать его шутками, но он мотнул головой так, что тугая коса взвилась змеей и хлестнула его по спине, и нахмурил брови. Приятели тотчас присмирели. Если сын Юйтана Янчу смотрел таким взглядом, лучше было умолкнуть.

— Князь поручил собрать отряд для подавления волнений в городе. Поедете со мной.

Он принялся отдавать приказы, а Дин и Хао согласно кивали. Они были не просто китайцами, а китайцами, состоящими на службе у богатого и знатного маньчжура, потому их мало волновало, что им придется выступать против своего же народа.

Было решено выехать до рассвета, поэтому Киан рано удалился к себе, чтобы отдохнуть и немного поразмыслить. В прежние времена воин не занимался ничем, кроме войны. Сейчас все стало иначе. У Киана был учитель, который научил его выводить иероглифы не хуже любого шэньши и слагать стихи. Этот вечер, могущий стать вечером любовных утех, Киан решил провести наедине с бумагой и тушечницей.

«Ветер колышет ветви ивы. И они рисуют в воздухе послание, смысл которого понятен лишь мне».

Надвигались сумерки. Глаза с трудом различали замысловатые письмена. Кун отложил кисть. Стихи все еще звенели в голове, переливались в душе, согревали сердце. Перед глазами стояли яркие живые образы. Вошел Юйтан и с уважением посмотрел на четкие иероглифы.

— Прежде нас учили только сражаться, не объясняя того, что слово — это тоже оружие, — одобрительно произнес он и добавил: — Я пришел сообщить, что у меня есть еще один подарок, который ты, надеюсь, с радостью примешь. Я не собирался его преподнести — так получилось. Признайся, ты скучал по матери? За все эти годы ты ни разу не произнес ее имя.

Киан вздрогнул. Было время, когда не проходило дня, чтобы он не вспоминал Ниу, которая осталась в том мире, куда ему не было возврата. Сестер было слишком много, с Юном он тоже мало общался, но мать... Что подумала Ниу, когда он исчез? Что сказала бы она, увидев его сейчас? На память пришла известная поговорка: «Что может быть лучше, чем вернуться в родную деревню в ореоле славы и в богатом халате!» Увы, он сможет сделать это разве что в мыслях! Судьба расколола его жизнь на две половины, и с этим ничего не поделаешь. Киан посмотрел в окно, где тянулся алый рубец горизонта, казалось, навсегда отсекавший настоящее от прошлого, и признался:

— Очень скучал.

Юйтан положил руку на его плечо.

— Хорошо, что ты не таишь своих чувств, во всяком случае — от меня. Я не злюсь на Пин. Я давно ее позабыл. Ни одна женщина не стоит того, чтобы ее долго помнили, ни одна, кроме матери. Поэтому я и согласился на вашу встречу.

Киан поднял глаза на князя, не понимая, о чем тот говорит. Кто такая Пин? И вдруг очнулся. Пин, сбежавшая наложница господина. Не его мать. Мать настоящего сына Юйтана Янчу, сына, чье тело давно сгнило в земле, в тайной могиле посреди безвестного леса!

Со временем Киан перестал бояться прошлого. Он много раз задавался вопросом, почему Юйтан столь безоговорочно принял нищего мальчишку? Ответ мог быть только один: обладать таким богатством и властью, но не иметь наследника — значит быть ниже самого последнего бедняка.

— Она приехала?! — прошептал он, обезумев от страха.

Можно выколоть Пин глаза, но и слепая она скажет, что перед ней не ее сын! Старый китаец, его учитель, был прав, говоря, что судьба носит в кармане ключи от всех дверей. Киан знал, что при всей кажущейся справедливости князь беспощадный и непримиримый человек. Он был свидетелем того, как тот сносил головы нерадивым слугам и послушникам одним ударом меча.

— Она ждет тебя в беседке. Тебе позволено поговорить с ней несколько минут, после чего она должна уйти.

Молодой человек обреченно кивнул, понимая, что ему не спастись от жестокого разоблачения и возмездия за многолетний обман.

Глава восьмая

Почти стемнело, но сад был ярко освещен цветными фонариками. Киан шел по дорожке, сжимая кулаки и стискивая зубы. Судьба дала ему крылья, позволившие очутиться в мире, выше которого только небо, и он не мог позволить простому случаю оборвать их и растоптать в грязи. Вместе с тем юноша понимал: сейчас ему не помогут ни ложь, ни мешочек с деньгами, который он предусмотрительно захватил с собой.

Пин была похожа на испуганную птицу. Хотя ее лицо хранило следы былой красоты, она вступила в тот возраст, когда воды человеческой жизни текут не вперед, а вспять. Запыленная одежда и утомленный вид указывали на то, что она проделала долгий путь. Женщина поднялась ему навстречу. Кун хотел заговорить, но его опередила Сарнай. Подобно недоброму духу, старуха незаметно появилась за его спиной.

За минувшие годы она ничуть не сдала: плечи не согнулись, глаза не утратили блеск. Кисти рук исчезали в длинных рукавах красиво расшитого одеяния сиреневого шелка, высокая седая прическа была увенчана лесом шпилек с головками из сине-зеленого нефрита, а на ногах красовались сапоги с богато украшенным бархатным верхом.

— Ты наверняка не думала, что вернешься сюда, Пин! И долго тряслась от страха, прежде чем решилась приехать. И все же любовь к сыну оказалась сильнее. Теперь посмотрим, насколько тверда твоя память. Вот твой мальчик. Нравится ли тебе, как он выглядит? Не похудел ли он телом, хорошо ли одет? Обними же его!

Пин со страхом смотрела на стройного юношу в синем шелковом халате с вышитым на нем золотым драконом. Женщина послушно подалась вперед, и ее одежда слилась с одеждой Киана. Руки Пин были безжизненными, вялыми. Она как будто обнимала статую. Молодой человек был поражен, когда, отстранившись, Пин прошептала:

— Какой ты красивый и взрослый! Я не ожидала увидеть тебя таким.

Могла ли она ошибиться? Или притворялась? Ему ничего не оставалось, как поддержать эту игру. Киан прикинул, какие вопросы мог бы задать родной матери.

— Я скучал... Как там... дома?

— Все живы и здоровы. Правда, сейчас тяжелые времена...

Она заговорила о каких-то пустяках, называла имена, которых Киан никогда не слышал. Глядя на безжизненное лицо Пин, он не мог поверить, что некогда эта женщина сумела сбежать от князя и тем самым изменить свою и... его судьбу. Когда женщина сказала про тяжелые времена, он вспомнил о мешочке с деньгами, и в его душе затеплилась надежда на то, что он все-таки сможет хоть как-то отблагодарить и утешить Пин. Киан обернулся к Сарнай:

— Оставьте меня наедине с моей матерью!

За годы, прожитые под видом княжеского сына, он научился говорить решительно и твердо. Старуха дернула головой, раздула ноздри, но не стала возражать и царственно удалилась.

— Кто вы? — тоскливо прошептала Пин, в отчаянии глядя на Киана. — Умоляю, скажите, где мой мальчик? Что эти коварные люди сделали с моим сыном?!

У него перехватило дыхание.

— Послушайте... Я скажу вам правду. Настоящий Киан... с ним случилось несчастье. Господин Чжун и господин Шон сказали, что в дороге он заболел лихорадкой и умер у них на руках. Они уверяли, что я похож... на вашего сына, и уговорили меня поехать с ними. Князь не заметил подмены.

Она смотрела на него во все глаза, будучи не в силах осознать услышанное и поверить в него.

— Значит, моего сына давно нет в живых?!

Киан кивнул. По лицу Пин потекли слезы. Она сжала свои маленькие руки.

— Я чувствовала, что потеряю моего мальчика. С самого рождения он принадлежал не мне, а им!

Киан молчал. Он забыл о своем страхе. Ему было невыносимо стыдно.

— Я тебя не выдам, — мужественно произнесла Пин. — Ради твоей матери. Ты ведь тоже чей-то сын! У меня есть сердце, и я знаю, какими жестокими могут быть эти люди. Когда-нибудь твой обман раскроется, этого не миновать, но, по крайней мере, причиной твоей смерти буду не я.

Облегченно переведя дыхание, Киан сказал:

— Моя мать крестьянка. Она наверняка голодает. Я бы хотел передать эти деньги ей, но... не могу. Потому прошу вас принять их от меня. Может, они вам чем-то помогут.

Пин взяла мешочек. По ее лицу нельзя было ничего прочесть, однако она сказала:

— Я рада, что князь стал жертвой честолюбия и обмана. Я тоже открою тебе секрет, который неизвестен никому, кроме меня. На самом деле у этого человека нет и не было детей. Юйтан Янчу бесплоден, недаром от него не понесла ни жена, ни одна из наложниц. Что касается меня, то я родила ребенка от другого мужчины, который служил во дворцовой охране. Княжеский род умер, Юйтану Янчу никогда не удастся основать династию, о которой он столько мечтал!

— За что вы его ненавидите? — тихо спросил Киан.

— Он взял меня против моей воли, просто купил у родителей. И я всегда мечтала ему отомстить. Поэтому я даже рада, что мой сын достался Небесам, а не Юйтану Янчу. Тебе повезло меньше.

Когда она ушла, Киан бессильно пустился на пол беседки. Последнее препятствие и единственная угроза были уничтожены. Больше ничто и никогда не мешает ему жить той жизнью, в плен которой он успел попасть. Сейчас он вернется в дом и забудет о том, что только что случилось. И все-таки Киану не было радостно. Князь много говорил о величии воинской славы, силе власти и значении благородства, но он никогда не упоминал о том, какую ценность и одновременно опасность таит в себе женское сердце.

Глава девятая

Киану нравился мерный топот конских копыт, бряцанье оружия, волнующе-острое ожидание встречи с врагом. Они выехали ночью, когда над миром стояла гладкая, блестящая, словно начищенное зеркало, луна, чтобы иметь преимущество внезапного нападения. Холодное голубое сияние заливало сосны и кедры, покрывавшие склоны гор, а сами горы казались стенами гигантской крепости.

Разведка донесла, что дело обстоит куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Тяжелые железные ворота надежно перекрыли вход в город. Ходили слухи, что китайская чернь открыла государственные амбары и раздавала зерно голодным. Городская стража трусливо разбежалась, а иные — в основном из числа служивших маньчжурам китайцев — перешли на сторону повстанцев.

В походной палатке совещались военачальники. Сидевший на почетном месте Киан молчал, потому что знал — к его словам все равно не станут прислушиваться. Выйдя наружу, он сказал Дину и Хао:

— Не понимаю, чего они боятся, почему не хотят попытаться проникнуть в город? Ведь там не воины, а всего лишь взбунтовавшиеся простолюдины! У них нет ни опыта, ни оружия, и они трусливы, как бездомные псы!

— Хорошо бы сделать собственную вылазку, — сказал Дин.

— Выведем наш отряд и сами посмотрим, что там происходит! — подхватил Хао.

Киан с радостью согласился. Он был уверен в победе, и ему претила мысль чего-то ждать. Для него, как для Дина и Хао, это была только игра: несмотря на кажущуюся суровость воспитания, все трое были избалованы отцами и плохо знали настоящую жизнь.

— А если нас не выпустят из лагеря? — усомнился Дин.

— Я вызовусь поехать к отцу, чтобы доложить обстановку. Отряд возьму с собой — вас все равно немного. Никто не станет возражать.

Киан поспешно облачился в одежду простого воина: ему до боли хотелось встать вровень с остальными, ибо он подозревал, что Юйтан, как обычно, отдал тайный приказ охранять его жизнь.

Вокруг города тянулись заросли камыша высотой почти в человеческий рост. Войдя в них, воины шагали, будто по морю, отталкиваясь руками, преодолевая сопротивление призрачных волн. Они быстро обнаружили участок стены, где целой оставалась лишь внутренняя кладка. Киан приказал ее разобрать, и солдаты справились с этим меньше чем за час.

Проникнув внутрь, Киан был поражен: тишина, никаких охранных постов. Ночная тьма покрывала пространство сплошной пеленой. Они двинулись вперед и вскоре увидели костер, вокруг которого сидела кучка оборванцев, вооруженных палками и самодельными пиками. Временами порывы ветра вздымали шлейф огня, сыпали искрами или гнали по воздуху волны едкого дыма. Киан слышал обрывки разговора:

— Знатные китайцы продались маньчжурам, поэтому защита Поднебесной — долг простолюдинов!

— Проклятые маньчжуры совсем разорят страну!

— Надо заставить их есть крысятину! — воскликнул один из мужчин, потрясая прутом, на который, словно на вертел, в самом деле были нанизаны две крысы: он жарил их на костре.

Вокруг раздался смех.

— Да! А еще лучше — землю!

— Нет, в землю мы их зароем!

Киан не мог поверить в то, что эти жалкие хвастливые бродяги и бедняки смогли разогнать городскую стражу и нагнать страху на кантонцев! Ну и вояки — даже не догадались

выставить часовых! В нем взыграла ложная княжеская кровь, и он сделал знак приближенным, а те ринулись к обнаглевшим простолюдинам, надеясь покончить с самыми храбрыми и непокорными несколькими ударами, а остальных разогнать. Поначалу так и было: сидевшие возле костра мужчины бросились врассыпную; головы летели на землю, точно спелые плоды под порывами сильного ветра.

Увлеченный нападением, Киан забыл об обороне, о тыле. Поэтому очень удивился, когда в бок ударил тяжелый камень, а другой просвистел мимо виска. Резко повернувшись, Киан разрубил плечо подскочившему человеку, но в этот миг со стены полетели новые кирпичи и свалили его с ног. Люди принялись вылезать, словно из-под земли: не боясь мечей, они швырялись камнями, хватали поверженных маньчжуров за одежду, за косы и тащили во тьму. Их было много, они облепляли противников так, как это делают муравьи с попавшей в муравейник добычей. Пусть они не имели ни оружия, ни опыта битвы, Киану и его воинам было не под силу сдерживать желание десятков сердец, полыхавших гневом и жадной мести.

Киан с трудом поднялся; земля под ногами вдруг сделалась зыбкой, она ходила ходуном, будто во время землетрясения. Он чувствовал, что ранен — в голове пульсировала боль, а одежда была забрызгана кровью. Но самым страшным было не это: он видел, как доблестные маньчжурские воины постыдно бегут, один за другим исчезая в проломе стены. Дина и Хао тоже нигде не было видно — очевидно, и они сбежали. На память пришли слова отца: «Не советуя брать в соратники китайцев — в решающий момент они могут тебя предать».

Киан двигался медленно, словно во сне, и когда какой-то мужчина бросился ему навстречу с палкой наперевес, промахнулся в ударе, а потом на него напало сразу несколько человек. Они напоминали ворон, расклевывавших добычу. К Киану тянулось множество рук, они обшаривали одежду, разрывали все, что на нем было.

— Еще один! — с удовлетворением произнес молодой китаец и обратился к старшему товарищу: — Куда их?

— В тюрьму. Потом решим, что с ними делать.

— Надо кончать с ними здесь! — воскликнул другой задиристый юнец, но старший упрямо повторил:

— В тюрьму!

Киан очнулся в тесном и душном каменном помещении на охапке грязной, кишасей насекомыми соломе. Лишь через несколько секунд после того, как ему удалось открыть глаза, в расплывчатом воздухе стали возникать какие-то предметы. Он осознавал себя и вместе с тем не понимал, кто он такой на самом деле. Полжизни он размышлял о том, что значит быть сыном князя, и никогда не задавался вопросом, как стать самим собой. Он ли, Кун Синь, — тень, отбрасываемая Кианом Янчу, или Киан Янчу — его тень? Воспоминания блуждали в его мозгу, как остатки кошмарных сновидений. Он поступил на удивление глупо, повел себя как мальчишка! Наверняка сегодня же в город войдут войска, и он получит свободу, но ему будет нелегко предстать перед Юйтаном Янчу и держать ответ.

В тюрьме стояла страшная вонь: бадья, в которую справляли нужду, была переполнена нечистотами. Сырые стены покрывала плесень, на полу валялись кучи мусора. Люди сидели так плотно, что между ними не оставалось свободного пространства. Здесь были солдаты внутренних войск, как маньчжуры, так и китайцы, а также задержанные повстанцами мародеры.

Все разговоры, едва начавшись, стихали. Лица пленников выражали волнение и досаду, тела носили следы побоев. Сперва Киан пожалел, что не может ни умыться, ни переодеться, ни причесать волосы, а потом он обрадовался: так у него была надежда остаться неузнанным и молча пережить свой позор. От рождения будучи китайцем, он выступил против своего же угнетенного народа. Став сыном маньчжурского правителя провинции Гуандун, потерпел сокрушительное поражение.

Дверь отворилась, на пороге появилось несколько мужчин из числа повстанцев. Киан заметил, что они вооружились отобранными у противников кинжалами и мечами.

— Китайцы пусть встанут и подойдут вон к той стене, — сказал один из них. — Их мы отпустим.

Около двух десятков человек поднялось с места, другие продолжали сидеть.

— Эй вы, маньчжурские собаки! — небрежно произнес другой, обращаясь к остальным. — Думали взять нас голыми руками? Гарнизон перешел на сторону восставших — власть в городе в наших руках. Есть среди вас те, за кого дадут хороший выкуп? Если нет, вас выведут на площадь и казнят, так же, как вы казнили сотни наших людей только за то, что им было нечем заплатить.

Киан не проронил ни звука. Разумеется, он знал, что князь отдаст за его жизнь любые деньги, но ему было слишком совестно. Лучше умереть вместе с простыми маньчжурскими воинами, тем самым похоронив и обман, и стыд.

Глава десятая

Мэй давно поняла, что времени нельзя доверять. Оно текло незаметно, при этом унося с собой нечто до боли бесценное. Память воды, ветра и камня была куда сильнее и глубже памяти человека, да и вообще всего, что рождается и умирает. Мэй уже не помнила ни лица, ни голоса матери, а старая слива начала сохнуть и давно не давала плодов, которых, впрочем, со дня смерти Ин-эр никто не ел.

Став искусной мастерицей, Мэй легко разматывала шелк весом в четыре ляна, что удавалось не каждой женщине. Она много раз собиралась поговорить с хозяином о прибавке жалования, но все не решалась это сделать. В целом жизнь в доме Цзина и Ши стала немного легче — их сын женился, дочери вышли замуж и тоже поселились отдельно от родителей. После работы в мастерской Мэй все также убирала в доме и помогала Лин-Лин. Так уж повелось: она взяла на себя все заботы, оградив Тао от тягот жизни, и отстаивала свое право с таким отчаянием, что даже Ши сложила оружие.

Кроме того, все эти годы Мэй продолжала копить деньги. Она надеялась, что со временем с их помощью ей и Тао удастся обрести самостоятельность и свободу. Иногда в день получки тетка встречала племянницу на пороге и сразу отбирала деньги, но чаще девушке везло, и она успевала пробраться к тайнику. Хотя Лин-Лин утверждала, что теперь Мэй может занять достойное место на рынке невест, она не верила. Возраст, подходящий для заключения удачного брака, миновал, как когда-то было упущено время для бинтования ног. Гораздо более привлекательной казалась идея поселиться отдельно вместе с Тао и Лин-Лин, однако кухарка наотрез отказалась покидать дом Ши.

— Я работаю здесь много лет и не хочу ничего менять в своей жизни.

— Почему ты не вышла замуж? — однажды спросила Мэй.

— По той же причине — из-за приданого. У моих родителей было много детей, мне рано пришлось идти работать. Я не думала о замужестве.

— Не лги. У всех твоих сестер есть семьи. К тебе не сватались?

Лин-Лин отвела глаза.

— Сватались. Но... кому нужен испорченный товар! Да и я зареклась иметь дело с мужчинами.

В голову Мэй закралась догадка.

— Несчастливая любовь?

— Нет. Все было гораздо страшнее. Это случилось, когда наша семья перебиралась из деревни в город. Родители и куча детей, я — самая старшая. У нас не было даже осла: отец сам впрягся в повозку с двумя колесами. За спиной у матери было привязано два младенца, и я тоже несла на руках одну из младших сестер. Всадники появились словно ниоткуда — бешеная орда мчалась со всех сторон с громкими криками: казалось, кто скорее дорвется до нас, тому больше достанется. Но мы-то знали, что у нас ничего нет и им будет нечем поживиться! Вернее, так думала я. Сестренка от страха припала лицом к моему плечу, и я крепко прижала ее к себе. Я удивилась, когда один из всадников стал отрывать ее от меня: зачем ему маленький ребенок? А после я поняла, что ему была нужна не малышка, а я. Я вырвалась из его рук и побежала к лесу, но он догнал меня и бросил на землю. До сих пор помню, как он стоял надо мной, — него был темный, жадный, безжалостный взгляд чужого, страшного человека. О том, что было потом, говорить не буду. Очнувшись, я услышала дикий вой, вой моего отца, и пронзительный детский плач. Отца они избili, мать изнасиловали, как и меня. Она умерла, а я выжила. Мы кое-как добрались до Кантона. Мне пришлось заменить мать своим братьям и сестрам. Когда отец снова женился, я пошла в услужение. Пока не научилась хорошо готовить, а еще показывать хозяевам зубы, навидалась всякого. Замуж не пошла: муж бы стал задавать

вопросы, а мне не хотелось вновь вспоминать то, что было. К тому же опять пришлось бы возиться с кучей детей, да еще выполнять прихоти чужого мужчины — от одной мысли об этом меня бросало в дрожь.

Мэй, не выдержав, заплакала от жалости к Лин-Лин, но та сказала:

— Не надо слез. Все давно прошло. Каждое горе приносит ровно столько страданий, сколько положено.

— Кто были те воины?

Лин-Лин недобро усмехнулась.

— Наши хозяева-маньчжуры, кто же еще! Конечно, не все они звери. Иные весьма обходительны. У них слабость к китайским девушкам. Думают, подарят красавице шпилек и лент на пару лянов и получают все, что им нужно.

— Почему маньчжурам нельзя жениться на китайках?

— Берегут чистоту крови, хотя сами только и знают, что делать детей нашим женщинам! Но одно дело забавляться, а другое — признать ребенка от китайки своим. На это они никогда не идут.

Им не удалось продолжить разговор — в кухню вошла Ши. Продукты сильно подорожали, и она ко всему придиралась: совала нос в котлы, спорила с Лин-Лин, которая, разозлившись, грозила тайком попотчевать хозяйку крысятиной. В последние дни в городе было беспокойно, и ни кухарка, ни Мэй не осмеливались выйти на улицу. К счастью, в доме имелся запас риса и другой еды. Мэй ждала, что Ши спросит, почему она не пошла в мастерскую, но тетка сказала другое:

— Хорошо, что ты дома. Поднимись ко мне. У меня есть отличная новость.

Девушка встала и, быстро переглянувшись с Лин-Лин, пошла за Ши. Наверху, к изумлению Мэй, тетка протянула ей новое сине-зеленое платье с набивным узором из белых квадратов и кругов.

— Надень!

Когда племянница выполнила приказ, Ши обошла кругом, потом приподняла густые, блестящие, черные, как ночь, волосы Мэй, заколола шпильками и, отступив на пару шагов, с удовлетворением промолвила:

— Превосходно! Ты должна ему понравиться.

— Кому?

— Человеку, который намерен к тебе посвататься.

Мэй вздрогнула. Она ожидала чего угодно, но только не этого.

— Кто он?

— Его зовут Лю Фэнь, он ростовщик. Его жена умерла, и он решил взять другую. Цзин рассказал ему, что ты работающая, аккуратная и расторопная. Сегодня Лю Фэнь придет на тебя взглянуть. На всякий случай спрячь под подолом ноги, хотя не думаю, что твоя внешность будет иметь решающее значение, так как все остальное его устраивает: твое положение, происхождение, возраст.

В сердце Мэй закралась тревога.

— А ему сколько лет?

— Он старше тебя, но это неважно. Главное, у него есть деньги, и он готов взять тебя без приданого, — сказала тетка.

Она заставила ворчавшую Лин-Лин отправиться на рынок за продуктами, а потом приготовить жареную курицу с имбирем и красным гаоляном, трепангов и вареные яйца. Цзин принес рисовой водки, а Ши накрыла столик цветной бумагой и воскурила в комнате благовония. В разгар подготовки к приему важного гостя Тао прокралась в комнату Мэй и заявила:

— Я видела этого «жениха», он похож на старую обезьяну! Он уже приходил, когда ты была в мастерской. Тогда я не догадалась, кто это и что ему нужно, а теперь понимаю. Не выходи за него, Мэй!

Печально улынувшись, Мэй нежно коснулась волос младшей сестры. Одиннадцатилетняя Тао была очень хорошенькой: нежное, будто фарфоровое, лицо, изящная фигурка. С первого взгляда становилось понятно, что она вырастет редкой красавицей. Мэй, которая зачастую отказывала себе даже в самом необходимом, наряжала, холила и лелеяла ее, как только могла.

— Едет, едет! — закричала Ши, и Тао выскользнула за дверь.

Невеста ждала в своей каморке. Она пребывала в растрепанных чувствах. Несмотря ни на что, Мэй хотелось верить, что тетка не просто хочет избавиться от нее. Возможно, и Ши, и Цзин искренне желают ей добра. Просто они неспособны понять, что девушке могут быть присущи особые переживания, интересы и мечты. Они рассматривали брак как чисто деловое предприятие, а с этой точки зрения старик Лю Фэнь был куда лучшим женихом, чем какой-нибудь юноша из большой и небогатой семьи. Им не приходило в голову, что Мэй может размышлять о мужской красоте или мечтать о любви.

Она вышла к гостю, скромно потупив глаза и переступая мелкими, «лотосовыми» шажками, как ходили настоящие «бинтованные» красавицы. На почетном месте сидел маленький, суетливый человечек со сморщенным, как печеное яблоко, лицом. Увидев Мэй, он обнажил в улыбке желтые зубы. Его голый череп поблескивал в ярком свете ламп. «Жених» протянул девушке красивую плетеную корзину в форме лодочки, полную пышных пионов, символа разгара и буйства весны. Мэй с поклоном приняла подарок и, повинувшись знаку Ши, села рядом с ней.

Цзин разлил чай и первую чашку подал гостю. Мэй взглянула на обтянутые сухой и сморщенной кожей пальцы Лю Фэня, и ее затошнило. Она должна позволить этим рукам коснуться ее тела?! Новый наряд стеснял Мэй, она ощущала себя непривычно и неуютно с обсыпанным рисовой пудрой лицом и ярко накрашенными губами. Она молчала, когда Цзин и Лю Фэнь заговорили о том, что надо пригласить гадалею и выбрать день свадьбы; ей не верилось, что они говорят о ней. Мэй подумала о матери. Когда Ин-эр умерла, полный сердечной теплоты и волшебной простоты мир перестал существовать, в нем больше не было места тайным желаниям и искренним чувствам. Знала ли мать, на что она ее обрекла?! Когда Лю Фэнь ушел, девушка спустилась вниз, в кухню, где Лин-Лин мыла посуду.

— Я не выйду за него.

Мэй казалось, что эти слова произнесла не она, а некий спокойный голос, звучавший из глубины ее сознания. Лин-Лин обернулась, и Мэй увидела морщинки в углах ее глаз, глубокие складки вокруг рта, ощутила все ее невысказанные печали и неразделенные испытания.

— Ты не можешь решать это сама.

— Почему? У меня нет родителей. Что касается Цзина и Ши, эти люди ничего для меня не сделали. Я только работала на них.

— Если ты откажешься от этого брака, Ши взбесится и выгонит вон и тебя, и Тао.

— Я и сама собиралась уйти.

Лин-Лин вытерла руки и села.

— Ты не знаешь, что творится на улице! Люди закрылись в домах и боятся высунуть нос. Китайцы распоясались, маньчжуры обозлены. Когда они войдут в город, то начнут крушить все, что попадется под руку! Здесь вы с Тао в безопасности, а если уйдете, любой сможет вас обидеть. Вспомни, как я рассказывала о том, что случилось со мной! Когда выйдешь за Лю Фэня, оставишь работу в мастерской. Больше не будешь опускать руки в кипяток и станешь носить накладные ногти. А голод? Его призрак стоит за спиной у каждого из нас, но только не у Лю Фэня, потому что он самый богатый ростовщик в этом квартале!

— Но он старик, уродливый старик!

— Если он стар, значит, долго не проживет. Я слышала, у него есть взрослые дети, но что-то достанется и тебе. Потерпишь год-другой, зато потом заживешь по-новому.

— Зачем же я столько лет копила деньги?

— Если ты надеялась купить свободу, то это невозможно. Женщина никогда не бывает свободной. Она может надеяться лишь на более-менее сносное существование. Часть своих лянов потратишь на свадебную прическу и наряд: не думаю, что госпожа Ши расщедрится и купит тебе все, что нужно. А остальное тоже, возможно, когда-нибудь пригодится.

Мэй молча ушла в свою комнату. Она чувствовала себя жестоко обманутой. Когда сестры улеглись спать, Тао спросила:

— Неужели ты выйдешь за этого старика и оставишь меня?

Мэй прижала ее к себе.

— Я никогда тебя не оставлю. Если я приму предложение Лю Фэня, ты поселишься в его доме вместе со мной. В противном случае я не хочу даже слышать об этом браке!

— Но он отвратительно выглядит! Жених должен быть молодым и красивым.

— Может, и так, но против судьбы не пойдешь. Надеюсь, Лю Фэнь неплохой человек. И потом у него есть деньги, а это значит, что когда придет пора выдавать замуж тебя, он даст тебе приданое и, возможно, тебе повезет выбрать того, кто придется по сердцу.

— Неужели все на свете решают деньги? — спросила Тао, и старшая сестра со вздохом ответила:

— Мне бы хотелось верить, что нет.

Глава одиннадцатая

Утром Мэй отправилась в мастерскую. Ей было невыносимо сидеть дома, слушая восторженные разглагольствования тетки по поводу предстоящего брака. Она шла по улице, думая о том, что порой жизнь похожа на сон, сон, в котором человек не волен что-то менять. Он вынужден жить, как живет, делать то, что делает, идти по назначенному судьбой пути, не зная о том, что ждет его впереди. Ночью прошел дождь, и мокрые дома выглядели унылыми и заброшенными. Их крыши тускло отсвечивали в мутном, безрадостном утреннем свете. С ветвей деревьев в садах свисали поблекшие листья; порывы ветра срывали их и швыряли на вязкую землю. Далекие горы казались вырезанными из серебристой бумаги, ветер печально свистел, словно наигрывая на невидимой цитре.

Мэй вовсе не казалось, что, выйдя за Лю Фэня, она начнет новую, счастливую и беззаботную жизнь. С каждым часом ей все больше чудилось, что на этом придет конец всем ее мечтам и надеждам. Вдобавок ко всему имевшая печальный опыт Лин-Лин внушала девушке, что близкие отношения с мужчиной не приносят женщине ничего, кроме, в лучшем случае — неловкости и стыда, а в худшем — боли. Мэй не удивлялась тому, что на свете существует много такого, что приносит сильному полу наслаждение, а слабому — только муки. Взять хотя бы бинтование ног. Женщины делают это, чтобы нравится мужчинам, и всю жизнь терпят страшные неудобства.

В то утро она была невнимательна, портила нить, так что в конце концов старшая мастерица накричала на нее и велела оставить работу. На обратном пути Мэй терзали сомнения. Она говорила себе, что выйти замуж за Лю Фэня — все равно что совершить самоубийство. Пока у нее не возникло чувство непоправимости происходящего, надо действовать. Если пойти на поводу у малодушия, обратной дороги не будет.

На Ша-сань-пу, одной из улиц западного пригорода Кантона, сдавались недорогие комнаты. Стоило внести задаток, и уже завтра она могла бы переехать туда вместе с Тао. Мэй отдавала себе отчет в том, какие последствия может иметь такой шаг: женщины без семьи — проститутки, танцовщицы, певички — стояли вне общества. Они вели себя уверенно и смело, выставляли напоказ свою женственность и красоту, но их и тех, кто был замужем или имел возможность вступить в брак, разделяла глубокая пропасть.

По обеим сторонам дороги тянулись канавы, полные мутной жижи. Кое-где виднелись кучи мусора. Было еще рано, и в воздухе стояла вонь ночных горшков, в небо поднимался маслянистый дым очагов. Ветер рябил воду в канале, и она казалась нечистой. Мэй давно заметила, что когда на душе было тоскливо, действительность казалась ей унылой и тусклой, и она замечала только уродство и грязь. Зато когда ее сердце радовалось, город выглядел сверкающим, праздничным, полным чудес.

По улице вели группу каких-то людей, и она отошла в сторону, чтобы их пропустить. Сегодня в Кантоне было непривычно малоллюдно: по улицам не катились повозки, не пронесились верховые, не проплывали паланкины. Даже стук деревянных подошв раздавался не так гулко, как прежде. Мэй не обратила бы внимания на процессию, если бы не громкие резкие выкрики сопровождающих и зевак, которые толпой двигались следом.

Живя в Кантоне, Мэй навидалась разных жестокостей. Случалось, людей избивали бамбуковыми палками или таскали по улицам в канге, шейной колодке, которая не позволяла им ни прислониться к стене, ни растянуться на земле; подвешивали в центре площади за ноги или выставляли в клетке. Но в этой процессии было нечто необычное. Китайцы вели на казнь тех, кто завоевал и попирали их страну, — высокомерных, властолюбивых, алчных и жестоких маньчжуров. Охрана не запрещала народу кидать в них камни или плевать им в лицо.

Большинство пленников смотрело себе под ноги, но один постоянно оглядывался, будто надеясь сбежать или увидеть того, кто придет на помощь. Когда маньчжур повернул голову в сторону Мэй, она вздрогнула. На его лице были синяки, а сквозь прорехи в одежде виднелись ссадины. В волосах запеклась кровь. И все-таки у него еще оставались силы, потому что он ступал твердо, его спина была прямой, а во взгляде светилась мысль.

Встретившись глазами с Мэй, юноша улыбнулся виновато и печально, и эта неожиданная улыбка пронзила ее душу. На его левой щеке была родинка — черное пятнышко, словно поставленное игривой красавицей, взявшей в руку кисть. Сама не зная зачем, Мэй пошла следом. Она была не из тех, кого легко сразить мужественной внешностью, заморозить красивым лицом. Тут было нечто другое — просто ей внезапно почудилось, будто они знакомы с незапамятных времен.

Повстанцы привели пленников на площадь перед храмом Ми-Чжоу-мяо. Мэй постаралась пробиться в первый ряд зевак и встать так, чтобы видеть молодого маньчжура. Хотя руки пленника были крепко связаны, а горло подпирало острое сабли, он держался прямо и гордо, без волнения и тревоги. Похоже, он не боялся смерти и не страшился своей судьбы.

— Кто первый? — спросил один из китайцев.

Что-то холодное, скользкое проникло в душу Киана, все его нутро протестовало против того, что должно было свершиться. Он на мгновение зажмурился, боясь показать страх, и решительно шагнул вперед.

— Я.

Земля ушла из-под ног Мэй. В сердце когтистой лапой впилась боль. Если б догадаться, как ему помочь! Мэй не знала, какая неведомая сила бросила ее вперед и заставила выкрикнуть:

— Прошу вас, не надо! Отпустите этого человека! Он не маньчжур, а китаец.

— А тебе откуда известно? — бросил один из повстанцев. — Как по мне, так лицом этот парень куда больше похож на маньчжура!

— Потому что это... это... мой муж!

К ней обратились десятки удивленных взглядов. Кто-то спросил:

— А ты не врешь?

— Если этот дурень китаец, ради чего он примазался к маньчжурам? Хотел, чтобы его убили? Китайцев мы отпустили, — сказал другой человек.

— Он... он служил маньчжурам, и здесь среди них его товарищи, — нашла Мэй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.